

138 УРАЛЬЦЫ.

ОЧЕРКИ БЫТА
УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
Іоасафа Игнатьевича **ЖЕЛЪЗНОВА.**

ТОМЪ III.

ИЗДАНИЕ 3-е, ПОСМЕРТНОЕ,
съ дополненіями и включеніемъ всѣхъ неизданныхъ статей,
подъ редакціей **Н. А. Бородина.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, В. Подъяческая, 39.
1910.

VШ.

Х и в а *).

(Изъ сказаній уральскихъ казаковъ).

I.

ПОХОДЪ КНЯЗЯ БЕКОВИЧА.

„Еще долго ли намъ ребята, на Дарьѣ стоять?
На Дарьѣ стоять, ребята, караулъ держать?—
Мы Дарью-рѣку пройдемъ рано съ вечера,
А Кувань-рѣку пройдемъ въ глуху полночь,
А въ Хиву придемъ вкругъ бѣлой зари“...
(Изъ пѣсни уральскихъ казаковъ).

— Хива — страна з а к л я т а я; до поры, до времени покорить ее никакими силами нельзя, — началъ свой разсказъ мой собесѣдникъ, Аф. Д. Барсуковъ, когда я попросилъ его разсказать что-нибудь о походѣ въ Хиву князя Бековича-Черкаскаго. — Еще допрежь Бековича — продолжалъ старикъ — не разъ наши праотцы, то-есть казаки яицкіе, дѣла-

*) Разсказъ этотъ былъ напечатанъ г. Витевскимъ въ Др. и Нов. Россіи за 1880 г., сентябрь. Г. Витевскій предпослалъ разсказу краткій біографическій очеркъ І. Н. Желѣзнова (извлеченіе изъ ст. Савичева), а самый текстъ разсказа снабдилъ примѣчаніями съ выписками изъ писемъ Перовскаго о хивинскомъ походѣ. Эти выписки, оказывается, вполне подтверждаютъ вѣрность общаго взгляда казака Барсукова на походъ. Разсказъ печатается здѣсь въ томъ видѣ, какъ онъ былъ воспроизведенъ по черновой рукописи Желѣзнова г. Витевскимъ.

ли попытки—хаживали въ Хиву, сами собой, безъ указу значить царскаго; щипать-щипали ее, было дѣло; но совсѣмъ покорить не могли, то-ись не могли подвести ее подъ державу Бѣлаго Царя, подобно тому, какъ Ермакъ Тимофеевичъ подвелъ Сибирь. Нѣтъ, живуча, проклятая! Случалось, батенька, и такъ, что наши-то и сами насилу оттуда ноги утаскивали; чай, не одна тысяща нашихъ молодцовъ сложила свои буйны головы въ Хивѣ проклятой. Хотя прискорбно и вспоминать объ этомъ, однако, „шила въ мѣшкѣ не утаишь“—что правда, то правда! На нашихъ, впрочемъ, и дивовать нельзя, что Хиву не покорили,—наши что? наши—народъ вольный, беззаботный, отчету наши никому не давали, а вотъ когда о Бековичѣ вспомнишь—какъ онъ-то, голубчикъ, не покорилъ Хиву, такъ поневолѣ призадумаешься; не повѣрилъ бы, да повѣришь, что на Хиву заклятье положено. Вѣдь князь Бековичъ пошелъ на Хиву не самъ собой, а по указу царя Петра Перваго, а Петръ Первый шутить не любилъ: чуть не такъ — за ушко, да на солнышко. Предъ Петромъ Первымъ не точю свои, а и чужестранные енаралы дрожали, какъ листъ передъ травой. Что енаралы? — цари-то всѣ, короли-то всѣ невѣрныые ему дань платили; одна только Хива въ усь не дула—вотъ ты и подумай! Бековичъ пошелъ въ Хиву не съ горсточкой, какъ къ примѣру наши праотцы допрежъ него ходили: Бековичъ пошелъ, батенька, съ цѣлой арміей. Опрichъ нашихъ казаковъ, у Бековича были и донскіе казаки, и гребенскіе, были и солдаты, и драгуны; у Бековича и антиреліи и всякаго пушечнаго снаряда была бездна; при Бековичѣ было много и другихъ енараловъ, полковниковъ и всякихъ военныхъ чиновниковъ: одно слово, Бековичъ пошелъ съ настоящей ратью. Теперь спрошу тебя (обратился ко мнѣ старикъ): какъ же Бековичъ не взялъ Хиву? А вѣдь до Хивы-то онъ дошелъ. Что ты на это скажешь, а?

— Какъ, въ самомъ дѣлѣ, Бековичъ не взялъ Хивы?—переспросилъ я въ свою очередь рассказчика.

„Взять-то онъ ее взялъ, да не удержалъ; вотъ въ чемъ и

сила-то! Бековичъ благополучно дошелъ до Хивы. Безъ бою, безъ драки хивинцы покорились ему. Хивинскій ханъ и всѣ его мурзы-визири вышли за ворота, пали предъ Бековичемъ на колѣни и, какъ водится, чебурахнулись головою объ землю три раза; поднесли ему на золотомъ блюдѣ ключи отъ города—значить, покорились.—По нашимъ книгамъ,—говорятъ хивинцы,—мы довольно хорошо извѣстны, что рано ли, поздно ли, намъ не миновать рукъ Бѣлаго Царя, подобно тому, какъ не миновали Казань и Астрахань. Видно-де, говорятъ, пришло то время: покоряемся. Шествуй, говорятъ хивинцы Бековичу, въ городъ и твори волю пославшаго тя; бери съ насъ дань, какъ указы Царя Бѣлаго повелѣваютъ: повинны заплатить, супротивничать не смѣемъ. Только вотъ что осмѣлимся объяснить вашему княженецкому степенству, говорятъ злые и хитрые хивинцы: Хива городъ не очень большой, какъ и самъ изволишь видѣть; боимся, какого бы утѣшенія не послѣдовало твоей арміи насчетъ фатеръ и насчетъ продовольствія. По этимъ резонтамъ (говорятъ хивинцы Бековичу), не угодно ли будетъ вашей княженецкой милости сдѣлать такъ: разставить свою армейшку не въ одной Хивѣ, а въ другихъ по смежности городкахъ и мѣстечкахъ; самыя что ни лучшія мѣста отведемъ, гдѣ и людямъ будетъ привольно, и конямъ ихъ кормно; одно слово,—говорятъ хивинцы Бековичу, потщимся предоставить вашему княженецкому степенству и всему воинству расейскому всякое удовольствіе; такъ ублаговоримъ, что на всю жизнь довольны останетесь. Выслушавши такую льстивую рѣчь злыхъ хивинцевъ, князь Бековичъ умилился и тотъ же часъ, не говоря худого слова, отдалъ подначальнымъ енараламъ и чиновникамъ приказъ въ такой силѣ, чтобы каждый енаралъ, каждый чиновникъ съ своимъ отрядомъ разошлись на фатеры по разнымъ мѣстамъ, гдѣ хивинцы укажутъ; а самъ со свитой и съ небольшимъ конвоемъ вступилъ въ городъ Хиву; вступилъ—и больше ужъ не выѣзжалъ, больше ужъ и на свѣтъ то божій не глядѣлъ. Такимъ манеромъ, продолжалъ старикъ, заманили хитрые хивинцы Бековича съ арміею словно въ западню; заманили,

и въ одну ночь задали карачунъ всѣмъ русскимъ, то-и-сь иныхъ голубчиковъ перерѣзали какъ барановъ, иныхъ въ полонъ забрали и невольниками подѣлали, а самого Бековича злой-презлой казни предали: съ живого, говорятъ, съ него кожу содрали, разбестіи! Вотъ тебѣ и покорились! Вотъ тебѣ и ублаготворили! Вотъ тебѣ и дань заплатили! Если и всѣ такъ будутъ поступать, добра немного!“ Старикъ при этомъ плюнулъ презрительно. Помолчавъ немного, онъ проговорилъ:

„Не бѣлый-то лебедь, лебедчикъ воскликнулъ, —
Добрый молодецъ, князь Бекичевъ, слезно восплакалъ“...

— Вотъ этими самыми словами (продолжалъ рассказчикъ) зачиналась пѣсня про князя Бековича; да я, словно на грѣхъ, и въ молодую-то пору плохо ее зналъ, а хоша и пѣвалъ, то за другими, теперь же—говорить-ли?—совсѣмъ забылъ, а то-бы я тебѣ, кстати, спѣлъ; не взыщи ужъ. Помню (прибавилъ старикъ), пѣсня была такая жалостливая, такая заунывная! Да и какъ не быть ей жалостливой; шуткали? — съ живого кожу снять!?!... — Брррръ!!!“ — Старикъ сдѣлалъ кислую гримасу и отчаянно потрясъ головой. Потомъ продолжалъ: — А сколько нашихъ-то казаковъ погибло — языкъ не выговорить! Полторы тысячи, сказывали старики, полторы тысячи пошло съ Бековичемъ въ походъ, а вернулось на Яикъ, въ разное время, какихъ-нибудь два-три десятка, не больше; всѣхъ хивинцы-изверги порѣшили: которыхъ, значить, перерѣзали, которыхъ въ плѣнъ забрали, и тѣ тамъ дни свои скончали. Только одному казачку, молодому парню и собой красавцу, въ тотъ разъ посчастливилось: не видалъ онъ, этотъ казачокъ, ни рѣзни, ничего такого, отъ чего сердце крушится; скорѣй, можно сказать, видалъ онъ то, отъ чего сердце голубится. Слушай, какая линія вышла. На фатерѣ, гдѣ казачокъ стоялъ, полюбила его молодая хивинка, дочь ли, сноха ли хозяйская,—не умѣю сказать хорошенько, да вѣдь не въ томъ сила! — Вотъ она-то, это молодая хивиночка, и защитила

казачка. Въ ту ночь, въ которую хивинцы уговорились задать Бековичу и всѣмъ нашимъ карачунъ, хивиночка увела казачка изъ дому въ садъ, въ самый глухой и удаленный уголъ и спрятала; одно слово, припрятала молодца въ какомъ-то потаенномъ мѣстечкѣ. Тамъ казакъ и сохранялся сколько-то времени; тамъ, значить, и любовью они проба-влялись, то-ись, казачокъ и хивиночка. Сортъ!“—замѣтилъ старикъ съ нѣкотораго рода самодовольствомъ.

— Напослѣдокъ послѣ рѣзни (продолжалъ старикъ), послѣ всей заварохи, когда со всѣхъ мѣстъ хивинцы съѣхались въ Хиву къ хану праздновать, по всей поганой вѣрѣ, богомерзкое торжество надъ русскими, хивинка обрядила казачка въ хивинскую одежду, дала ему провизіи и сколько-то серебряныхъ и золотыхъ денегъ, — въ Хивѣ бумажекъ нѣтъ, — потомъ вывела изъ база самую что ни есть рѣзвую лошадь, трухменскаго аргмака, отдала ее казачку и на ней велѣла ѣхать въ путь-дорогу, то-ись, на родимую сторону. Больше, значить, не можно было хивинкѣ сохранять казачка (пояснилъ рассказчикъ), а выдать его хивинцамъ на смерть, либо на неволю злую—жалѣла: любила, значить. Басурманки — басурманки, а за ними этакія художества водятся! Хорошо. Хивинка совѣтовалась съ какой-то старухой, пособницей своего дѣла, и, по ея совѣту, научила казака, какъ проѣхать ему черезъ хивинскую землю, чтобы не попасться хивинцамъ въ руки. Казакъ простился съ хивиночкой, поѣхалъ и, за родительскія молитвы, выѣхалъ на Яикъ здравъ и невредимъ.—Въ дорогѣ казакъ не одинъ разъ встрѣчался съ разными хивинцами и удачно отдѣлывался отъ нихъ. А какъ отдѣлывался? Смѣшно сказать! Къ примѣру: встрѣнута съ нимъ хивинцы, спросятъ, кто онъ, куда ѣдетъ и зачѣмъ. А онъ притворится нѣмымъ, не говоритъ, а только мычитъ; потомъ сниметъ съ сѣдельной луки запасную узду, покажетъ хивинцамъ, ткнетъ пальцемъ въ гриву лошадь и сдѣлаетъ руками знакъ: лошадь-де пропащую разыскиваю. Этого мало: спрыгнетъ съ лошади и преведетъ ладонью по лбу ло-

шади, даетъ знакъ: лошадь-де лысая; потомъ нагнется и обведетъ рукою около колѣнъ лошади — даетъ знакъ: лошадь-де бѣлоногая. Каково?! Ай да хивиночка! Полюбила молодца и уму-разуму научила!—замѣтилъ старикъ съ самодовольствомъ: „такихъ давай Богъ нашему брату!... Хивинцы поглядятъ-поглядятъ на нѣмого, улыбнутся и покачаютъ головой: не видали-де; и поѣдутъ, оболтусы, своей дорогой, а казачокъ и радъ; дальше ѣдетъ. Такимъ манеромъ и проѣхалъ онъ сквозъ хивинскія жилья и выѣхалъ въ степи. Въ степяхъ случилось ему сталкиваться кой съ какимъ людомъ, примѣрно, съ киргизами; но отъ нихъ онъ прямо пускался вскачь и усакивалъ: лошадь была ужъ очень рѣзвая.

„А другой казакъ, по имени Тр. М-чъ Новинской, инымъ манеромъ спасся и вышелъ изъ Хивы,—продолжалъ рассказчикъ. — Этотъ былъ мужчина пожилыхъ лѣтъ; бороду имѣлъ большую-пребольшую, чуть не до пояса, окладистую и сѣдую. Онъ что сдѣлалъ? Обрядился, сударь мой, татарскимъ муллой, то-ись наvertѣлъ на шапку куска два бязи, и въ такомъ видѣ пошелъ путешествовать. Молодецъ! Справедливо въ пѣсняхъ говорится про стариковъ:

„Старый казакъ догадливъ былъ“...

„И что же? — продолжалъ рассказчикъ, — куда Тр. М. ни придетъ, вездѣ орда встрѣчаетъ его съ почетомъ: напоить, накормить и на дорогу провизіи дать. Въ иномъ мѣстѣ спросятъ его: кто онъ, откуда и куда путешествуетъ, а онъ, чтобы не доказать себя, кто онъ такой есть, прикинется молчалиникомъ, опустивъ глаза въ землю, вздыхаетъ, поглаживаетъ свою бородушку да шепчетъ про себя, однако, такъ, чтобы ордѣ было слышно, шепчетъ: „Алла! Алла! бисмилля!“ Орда разинетъ ротъ, дивуется, принимаетъ Тр. М. за странника, за богомольца, за молчалиника, пуще прежняго оказываетъ ему почтеніе. Случалось, и очень часто, отъ аула до аула лошадь подъ него давали, провожатыхъ съ нимъ посылали; одно слово, встрѣчали и провожали

Тр. М. съ уваженіемъ и почтеніемъ. Такимъ манеромъ онъ всю орду прошелъ, проѣхалъ безпрепятственно. По выходѣ изъ орды въ Расею Тр. М. представлялся самому Петру Первому. Представлялся онъ царю на Волгѣ, когда Царь плылъ изъ верховыхъ городовъ въ Астрахань, царь очень удивился и спросилъ Тр. М-ча, какимъ побытомъ онъ, одинъ-одинёхонекъ, прошелъ чрезъ орду басурманскую?

— Бородушка помогла!—отвѣтилъ Тр. М-чъ.

— Какъ такъ? — спрашиваетъ царь и пуще прежняго дивуется.

— Такъ и такъ! — говоритъ Тр. М-чъ: — по бородушкѣ меня вездѣ съ почетомъ встрѣчали и провожали.

— Исполать же тебѣ, старинушка! — сказалъ Петръ Первый и ласково погладилъ Тр. М-ча по сѣдой его бородушкѣ.—Значить не всеу я пожаловалъ вашу братью, яицкихъ казаковъ, бородой: умѣете пользоваться ею; что хорошо, то хорошо! — сказалъ царь. — А какъ твое имя, отчество и прозвище?—спросилъ Петръ Первый: — скажи-ка въ другой разъ, я забылъ. — Тр. М-чъ сказалъ свое имя, отчество и прозвище. Царь съ минуту подумалъ и сказалъ: — Такъ какъ провела тебя чрезъ орду басурманскую твоя почтенная борода, то будь же ты, Тр. М-чъ отнынѣ до вѣка не Новинской, а Б о р о д и н ѣ!

— Царское слово свято!—сказалъ рассказчикъ: — и сталъ послѣ того Тр. М-чъ прозываться Бородинымъ. Одни изъ теперешнихъ чиновниковъ Бородиныхъ, — прибавилъ старикъ, — къ примѣру почтенный П. М., храбрый К. Ф. и другіе ихъ родня, идутъ отъ колѣна Тр. М-ча; въ ихъ роду и сохранилась память о томъ, какъ Тр. М-чъ надулъ цѣлую орду и славу себѣ получилъ.

II.

ПОХОДЪ ГРАФА ПЕРОВСКАГО.

— Жаль Бековича!—замѣтилъ я, выслушавъ старика.

— Коли не жаль? Очень жаль! — сказалъ старикъ.—

Хоша Бековичъ и новокрещенъ былъ, не русской, значитъ, природы, а все-таки служилъ Богу и великому государю, все-таки пострадалъ за нашу матушку Расею. И пострадалъ же, голубчикъ! Страдаютъ хуже, да рѣдко. Шутка ли: съ живого шкуру содрали! У насъ по этому побыту и поговорка вошла въ силу: пропалъ, какъ Бековичъ!

— Ужъ не измѣну ли Бековичъ сдѣлалъ?—спросилъ я моего собесѣдника.—Не подкупили ли его хивинцы? *).

— Что ты, что ты! — заговорилъ старикъ: — какъ можно! Шила въ мѣшкѣ не утаишь! Рано ли, поздно ли, а это бы открылось: „нѣсть-бо тайно, еже не явится“, это, батенька, въ писаніи сказано, — замѣтилъ глубокомысленно старикъ и потомъ продолжалъ: — хоша не отъ нашихъ, отъ хивинцевъ бы можно было послѣ услыхать. Нѣтъ, нѣтъ, касатикъ! Грѣхъ такую напраслину взводить на Бековича. Еще вотъ что въ резонъ возьми, — прибавилъ старикъ: — когда-бъ Бековичъ сдѣлалъ измѣну, хивинцы не казнили-бъ его, не содрали-бъ съ него съ живого шкуру, а скорѣе сдѣлали-бъ его какимъ-нибудь мурзой или какимъ-нибудь салтаномъ. На этотъ счетъ хивинцы молодцы: они всякому рады, кто своей волей передается имъ. Бывали случаи на моей памяти: солдатъ иль-бо мужикъ какой изъ астраханцевъ убѣжить къ нимъ въ Хиву, они и того съ радостію

*) Да не покажется кому-либо страннымъ вопросъ, сдѣланный мною разсказчику. Казаки, какъ и солдаты, и всѣ вообще простолюдины, въ высшей степени недовѣрчивы и подозрительны: всякую сколько-нибудь значительную, неудачу главнаго начальника на войнѣ или въ походѣ, особенно того, кто носить не русскую фамилію, они готовы отнести къ измѣнѣ или ко взяткѣ, что въ отношеніи предводителя тожественно. Отъ такого нареканія не уходятъ и свои офицеры, начальники степныхъ отрядовъ. Если, напримѣръ, офицеру, начальнику отряда, не удастся взять въ плѣнъ или разбить какого-нибудь бунтующаго киргизскаго батыря, напр., Исета Кутебарова, и если, по мнѣнію казакѣвъ, удобные къ тому случаи были упущены, то казаки непремѣнно выведутъ такое заключеніе, что начальникъ взялъ съ батыря сдарку, т. е. взятку, а по-просту: сдѣлалъ измѣну. Все это, конечно, доказываетъ, что казаки не очень-то вѣрятъ въ чистоту начальническихъ убѣжденій.

примуть и въ большіе чины произведутъ. Это ужъ такъ, не споръ!

— Значить, сплеховаль Бековичъ?! — замѣтилъ я, выслушавъ доводы старика въ защиту Бековича.

— Съ одной стороны, може и такъ, а съ другой, пожалуй, и не такъ! — возразилъ старикъ. — Хоша и есть поговорка: самъ плохъ — не дастъ Богъ, однако, въ иномъ разѣ и поговорка не попадаетъ въ точку; по крайности, насчетъ Хивы это такъ. Вѣдь ужъ сказано: Хива — страна подъ заклятемъ, ну и шабашъ: суемудроствовать тутъ нечего! Бековичъ ли — не Бековичъ ли, сплеховаль ли — не сплеховаль ли, это, сударь мой, все единственно; конецъ одинъ, рѣшеніе одно, хоть къ бабушкѣ не ходи: неудача, да и вся недолга! Къ примѣру, Василий Алексѣичъ Перовскій, чай, не Бековичу былъ чета, поважнѣе, чай, Бековича (я тебѣ послѣ расскажу, кто таковъ былъ Перовскій), а когда пошелъ на Хиву, что взялъ? брусъ съ оселкомъ! Только рать свою разсѣялъ по дикой степи, да бездну царской казны задаромъ истратилъ.

Старикъ остановился и призадумался. Видно было, что онъ предался воспоминаніямъ не очень-то отраднымъ; потомъ заговорилъ:

— У! и походъ же былъ хивинскій — одно слово гибель! и скоту, и людямъ гибель! Для насъ, уральцевъ, ни почемъ: народъ мы не такой, чтобы степныхъ походовъ бояться, а вотъ для солдатиковъ бѣдныхъ и говорить нечего: для нихъ хивинскій походъ былъ гибельный-прегибельный, что твоя холера, не объ ней будь сказано. Я самъ сломалъ этотъ походъ, кое-что многое видалъ своими глазами: не хорошо!

Старикъ сдѣлалъ печальную мину и потрясъ головой.

— Такъ ты былъ въ хивинскомъ походѣ? — спросилъ я моего собесѣдника: — я этого не зналъ.

Старикъ кивнулъ головой.

— Расскажи-ка; я послушаю, какъ вы отличались.

— Пожалуй, расскажу, — сказалъ старикъ, — только (прибавилъ онъ) не обезсудь, какъ умѣю и что помню!

Помолчавъ съ минутой, старикъ началъ:

— Сперва-на-перво слѣдуетъ знать, сударь мой, кто таковъ былъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, и по какому быту онъ сочинилъ хивинскій походъ, а потомъ уже рѣчь пойдетъ и про самый походъ. Согласенъ? — спросилъ старикъ.

— Сдѣлай одолженіе, очень радъ! — отвѣтилъ я.

— Ну, такъ слушай, — сказалъ старикъ, — или нѣтъ, не слушай, а прежде мнѣ отвѣтъ дай, когда знаешь: отчего Перовскій прозывался Перовскимъ?

— Такая ужъ фамилія, а отчего — не знаю.

— Я такъ и думалъ, что не знаешь, — сказалъ старикъ съ самодовольствомъ и прибавилъ: — Перовскимъ онъ прозывался отъ пера!

— Отъ какого пера? — спросилъ я.

— А вотъ отъ какого, — отвѣтилъ старикъ: — къ примѣру, орелъ-птица надъ всѣми птицами старшая; такъ и православный царь нашъ надъ всѣми земными царями старшій. У орла-птицы есть крылья; безъ нихъ онъ и парить не можетъ; такъ и у царя нашего есть енералы-сенаторы, безъ нихъ онъ и управлять державой не можетъ. У орла-птицы въ крыльяхъ есть по два главныхъ, по нашему, правильныхъ пера; безъ нихъ и крылья, какъ слѣдуетъ, дѣйствовать не могутъ; такъ и у царя нашего межъ енеральствомъ-сенаторствомъ есть два-три енерала главныхъ, что называется, два-три правильныхъ пера; безъ нихъ и енеральство-сенаторство прямо держаться не можетъ, а пойдетъ вкось и вкривъ. Вотъ изъ числа этакихъ-то енераловъ и былъ Василій Алексѣевичъ Перовскій; отъ этого самого онъ и прозывался Перовскимъ. Хоша Перовскій заправлялъ только одной Оренбургской губерніей, но гремѣлъ на всю Расею. По лѣтамъ онъ былъ молодъ, а по службѣ да по чину онъ разсыпчаты эполеты носилъ и былъ старше всѣхъ обнаковенныхъ енераловъ въ Расеѣ. Въ Питерѣ, говорятъ, ни одинъ енераль, кто

бы онъ ни былъ — графъ ли, князь ли, все единственно — не смѣлъ на стулъ сѣсть при Перовскомъ, есть когда онъ не прикажетъ; одно слово, Перовскій былъ большой человѣкъ, только одной титулы ему не доставало, чтобы возвыситься надъ всѣми людьми и стать, что называется, на одну ногу съ царскими персонами; и мудреное такое названіе этой титулы — генералмусъ, вотъ этакое что-то право, хорошенько-то не выговорю. Кто изъ енераловъ получить такую титулу, тотъ выходитъ изъ-подъ всякаго закона, то-есть ни за какую винность нельзя такого енерала ни подъ арестъ посадить, ни разжаловать; одно слово, енераль съ такой титулой становится на одну ногу съ царскими особами. Въ случаѣ, когда бы произволеніемъ божіимъ прекратилось царское сѣмя, то на царство сажаютъ генералмуса, а если генералмусовъ двое-трое, то даютъ имъ жербій. Вотъ видишь, какая важная эта титула; но что дорого, то и рѣдко: не очень-то часто жалуютъ такими титулами: къ примѣру, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ наша Расея, только и носилъ эту титулу одинъ Суворовъ. Есть въ военномъ артикулѣ такое изрѣченіе: „плохъ тотъ солдатъ или казакъ, который не надѣется быть енераломъ“. Коль скоро ужъ солдату или-бо казаку дозволяется имѣть надежду на енеральство, то какъ же енералу-то запретить имѣть надежду на генералмуса, а тѣмъ паче Василью Алексѣвичу Перовскому, который безъ того былъ главнымъ, что называется, правильнымъ перомъ-енераломъ. Вотъ и онъ задумалъ получить эту титулу. Но какъ ее получить? вотъ загадка! Прежде чѣмъ получить такую высокую титулу, прежде этого, сударь мой, надо заслужить двойную фамилію, безъ этого и титула не дается; а заслужить двойную фамилію, съ позволенія сказать, не мутовку обливать: для этого нужно сдѣлать такую отлику, которую не всякій сдѣлаетъ, которая бы всѣмъ кидалась въ глаза. Къ примѣру, Суворовъ, прежде чѣмъ получилъ титулу генералмуса, заслужилъ другую фамилію — Римницкаго, это за то, что онъ городъ Рымъ завоевалъ, гдѣ папа римскій престоль имѣетъ; значитъ самый знаменитый городъ, что называется,

на „ура“ взялъ. Одно слово, добратся до такой великой титлы очень, очень мудрено. Даже не всякій, получившій и двойную фамилію, достигаетъ этой титлы: кромѣ Суворова, были и другіе енералы съ двойными фамиліями, къ примѣру, Дибичъ Забалканскій, — за Балканскія горы перешелъ, Паскевичъ-Ириванскій, — городъ Ириванъ у персіянъ завоёвалъ; а все-таки такъ и умерли съ двойною фамиліею, а титлы генералмуса не получили. Ну да Богъ съ ними, не о нихъ рѣчь! Василій Алексѣевичъ — царство ему небесное — очень близокъ былъ къ покойному царю, Николаю Павловичу. Когда Василій Алексѣевичъ бывалъ въ Питерѣ, царь, говорятъ, ни обѣдать, ни чай пить не садился безъ него: за-всегда, значить, присуглашалъ его къ свой царской трапезѣ. Однако, какъ царь ни уважалъ Василья Алексѣевича, а и для него не хотѣлъ ломать законные порядки: тожъ безъ двойной фамиліи не давалъ и ему титлы генералмуса, да и двойную-то фамилію приказалъ прежде выслужить; значить, надо было Перовскому заслужить прежде всего двойную фамилію. Вотъ онъ и вздумалъ сочинить походъ въ Хиву, и сталъ просить у царя на то дозволенія.

— Позвольте, говорить, ваше царское величество, идти мнѣ на Хиву и покорить ее подъ твое великое державство.

— Пожалуй, — говорить царь, — ступай; только вотъ что, Василій Алексѣевичъ, — сказалъ будто бы царь Перовскому: — какъ бы замѣсто двойной фамиліи не получить тебѣ конфузій иль-бо другое что похуже. Вѣдь всѣ толкуютъ, — говорить царь, — что Хива — страна подъ заклятьемъ: покорить ли?

— Будьте благонадежны, ваше царское величество! Все это сказки, людскіе предразсудки; когда позволите, я докажу, что этакіе слухи распускаютъ хитрые и лукавые хивинцы, чтобы отклонить отъ себя Расаю.

— Толкуй себѣ: сказки, предразсудки, — замѣтилъ разсказчикъ: узналъ послѣ, каковы эти сказки, да поздно! — Хорошо, — продолжалъ старикъ, — пошла у насъ по войску молва, что скоро будетъ походъ на Хиву; признаться,

сначала мы не совсѣмъ вѣрили этому слуху. Ужъ коли Петръ Первый не завоевалъ Хивы, говорили мы про себя, то кому другимъ, думать, придетъ охота валандаться съ нею. Толкуемъ такъ-то, а того въ голову не заберемъ, что, може статься, не Хива нужна, а двойная фамилія нужна; вотъ она въ чемъ штука-то, — поди да и пойми съ перваго разу. Еще — ложь ли, правда ли, — болтали въ народѣ, что Василью Алексѣвичу, во что бы то ни стало, а безпремѣнно нужно было сочинить походъ, чтобы развязаться съ однимъ нашимъ полкомъ, лишь бы тотъ не кололъ ему глазъ.

— Съ какимъ это полкомъ?—перебилъ я рассказчика.

— Какъ съ какимъ, развѣ ты не знаешь? — возразилъ старикъ съ удивленіемъ и, немного помолчавъ, продолжалъ:—а впрочемъ, гдѣ-жъ тебѣ и знать-то было: небольшой еще, чай, былъ въ то время, и слышалъ звонъ, да не зналъ, откуда онъ. Слушай, я расскажу тебѣ вкратцѣ! — Старикъ началъ: — Года за два до хивинскаго похода, именно въ 37 году, утораздило нѣкоторыхъ нашихъ казаковъ, обойдя начальство, п о д а т ь п о д а ч у (прошеніе) на кое-какіе войсковые непорядки. Стлушили казаченьки, что и говорить! И всему дѣлу заводчикъ былъ В. Г. Филичевъ, неспокойный и строптивый старикъ. Хорошо. Въ подачѣ (прошеньѣ) казаки обнесли атамана, Василія Осипыча Покатилова — покойникъ уже, царство ему небесное! — и какъ то стороной задѣли и самого Василія Алексѣвича Перовскаго; чуешь, въ чемъ дѣло-то? Вотъ за такую-то продерзость и вздули голубчиковъ: В. Г. Филичева и всѣхъ его сугласниковъ, — если я не ошибаюсь, человекъ до пятидесяти, а може и до семидесяти, хорошенько не упомяну, — наказали по закону: кого плетью, кого сквозь строй, смотря по возрасту, а потомъ разослали голубчиковъ, по винѣ судя, кого въ Сибирь на каторгу, кого туда же на поселеніе, кого въ солдаты, кого въ арестантскія роты; одно слово, всякому пропатаю воздали по закону. Хорошо. Перебравъ пропатаевъ, принялись и за всѣхъ насъ, то есть въ наказаніе всего нашего общества и чтобы, знаешь, отбить у нашего брата

охоту къ дерзостнымъ и дурацкимъ подачамъ, потребовали отъ насъ заразъ четыре пятисотенные полка, т. е. въ 550 человекъ каждый полкъ, а всего 2,200 человекъ. Вотъ это ужъ было и обидно, и тяжело для насъ: обидно потому, что больше половины общества даже не слыхали о томъ, что затѣвалъ Филичевъ и его сугласники; однако, дѣлать нечего, повинны были исполнить: вѣдь мы слуги царскіе. Если когда-бъ батюшкѣ-царю угодно было спросить всѣхъ насъ, мы бы всѣ сѣли на конь и пошли, куда прикажутъ служить и кровь свою за отечество проливать: это долгъ нашъ, наша обязанность, за то и нарицаемся казаками. Хорошо. Наличный комплектъ войска, за разными разкомандировками, былъ въ ту пору небольшой, всего тысячи въ три съ чѣмъ-то. Знаешь, по нашему положенію, служба у насъ отправляется по найму, и по этому самому и приходилось одной тысячѣ выставять двѣ тысячи, то-есть одному казаку на-нимать двоихъ казаковъ — это говорить даже страшно! Однако, наняли и выставили четыре полка. Каждый служащій казакъ платилъ двоимъ наемщикамъ круглымъ счетомъ по тысячѣ рублей, такимъ родомъ наемъ четырехъ полковъ обошелся нашему войску круглымъ счетомъ въ тысячу тысячъ рублей, вотъ во сколько! натошакъ и не выговоришь. Одному изъ снаряженныхъ полковъ въ тотъ же годъ дали работу: послали на Кавказъ противъ черкашъ, а остальные три полка распустили по домамъ: некуда, значить, было потребить. Вотъ это-то особенно было тяжело. Знаешь, по нашимъ правиламъ, тѣмъ казакамъ, кои находятся въ своихъ предѣлахъ, ничего отъ казны не даютъ — ни жалованья, ни провіанта, ни фуража, одно слово, ничего. По нашимъ же правиламъ, знаешь, тѣмъ казакамъ, кои наймутся на какую-бы то ни было службу, не дозволяется уже пользоваться ни рыбными, ни другими промыслами. По этой причинѣ распущенные по домамъ полковые казаки и очутились въ своихъ семьяхъ какъ бы чужіе, и стали пить-ѣсть изъ готового, а промыслять не могли. Вотъ это-то, говорю, и было тяжело. Черезъ годъ, однако, сжалились — дали

работу еще двумъ полкамъ: одинъ услали въ Бессарабію, а другой въ Финляндію. Слава Богу! два полка съ хлѣбовъ долой; остался на Яикѣ одинъ полкъ, четвертый, въ которомъ и я числился: этому, бѣдняжкѣ, нигдѣ, знать, мѣста не нашлось. Вотъ этотъ-то полкъ и кололъ глаза Перовскому. Теперь понялъ?“ — спросилъ старикъ. — Я отрицательно покачалъ головой.

— Эхъ, какой непонятный! — добродушно замѣтилъ старикъ. — Межъ нами будь сказано, — продолжалъ онъ, — еслибъ въ Питерѣ до тонкости знали въ ту пору объ нашихъ обстоятельствахъ, то-бы Перовскому никоимъ манеромъ нельзя было отвертѣться отъ строгаго выговора за то, батенька, что стробовать — стробовалъ съ насъ четыре полка, а работы имъ всѣмъ нѣтъ, — вотъ за что! Какъ бы тамъ Василій Алексѣвичъ ни былъ возвеличенъ и превознесенъ, однако, за такіе порядки царь не сталъ бы гладить его по головѣ, а безпремѣнно сдѣлалъ-бы ему строгій выговоръ, да не одинъ-на-одинъ, а при собраніи всего генеральства и сенаторства. Вотъ этого-то самаго Василій Алексѣвичъ будто боялся, и потому, чтобы развязаться съ нашимъ полкомъ, чтобы потребить его какимъ ни на есть манеромъ въ дѣло, и вздумалъ, говорятъ, заразъ устичъ двухъ зайцевъ, то-есть двойную фамилію заслужить и нашъ четвертый полкъ потребить, чтобы онъ не былъ у него, яко бѣльмо на глазу. Теперь понялъ? — спросилъ старикъ-разсказчикъ. — Я кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Ну, слава Богу! — сказалъ старикъ, а потомъ продолжалъ: — Еще не было отдано никакого приказанія, еще не слыхать, не видать было никакихъ приготовленій къ походу, а въ народѣ у насъ пошла уже молва, что будетъ походъ въ Хиву, и задолго, сударь мой, до похода прошла молва, за полгода или бо за годъ, вотъ когда!

— Да какимъ же образомъ народъ узналъ, что будетъ походъ, когда, какъ ты говоришь, не было ни приказаній, ни приготовленій? — спросилъ я моего собесѣдника.

— Очень просто, — отвѣчалъ старикъ: — г л а с ь

народа — гласъ Божій — это не даромъ говорится. Слыхалъ я въ молодую пору отъ старыхъ людей, и самъ на своемъ вѣку испыталъ, что ни одно сколько-нибудь значительное дѣло не укроется отъ народа, чтобы народъ не узналъ о немъ допрежъ публикаціи. На первый разъ, кажется, мудреная вещь, а какъ-всмотришься поближе, да вдумаешься хорошенько, видишь — вещь очень простая. Къ примѣру, батюшка-царь только еще посовѣтуется съ своими думчими сенаторами о какомъ-нибудь значительномъ дѣлѣ, прикажетъ имъ держать покуда въ секретѣ; сенаторы крѣпятся, держать дѣло въ секретѣ. Но вотъ одинъ какой-нибудь сенаторушка, слабенькій на язычекъ, и проболтается хоть, къ примѣру, супружницѣ своей, — ну и шабашъ: пошла, значить, пыльня въ ходъ. Такимъ манеромъ въ Питерѣ въ ину пору только еще судятъ-рядятъ, и бумагъ-то еще не думаютъ писать о какомъ-нибудь дѣлѣ, а народъ уже, смотришь, шушукаетъ: „такъ и такъ, то и то будетъ“. Смотришь — правда. Не даромъ, значить, говорится: гласъ народа—гласъ Божій. Понялъ?—обратился ко мнѣ рассказчикъ.

Я кивнулъ головой, а старикъ снова заговорилъ: — Прошла, говорю, у насъ молва, что будетъ походъ на Хиву; народъ нашъ и осѣлся, приунылъ. Не оттого приунылъ, что походъ — къ походамъ намъ не привыкать стать, — а оттого, что на Хиву походъ, вотъ въ чемъ сила-то! У насъ отъ предковъ идетъ, что Хива возьмется въ послѣднее время, въ одно время съ Ерусалимомъ и Цареградомъ; объ этомъ якобы и въ книгахъ написано. Не хочу лгать, самому мнѣ не доводилось читать въ книгахъ насчетъ Хивы, а вотъ, насчетъ Цареграда самъ читалъ; у меня даже и списокъ есть насчетъ Цареграда и насчетъ антихриста; хочешь, покажу?

— Сдѣлай одолженіе, очень радъ! — отвѣтилъ я.

— Изволь! — сказалъ старикъ, и съ этимъ словомъ онъ выдвинулъ изъ стола ящикъ и досталъ оттуда засаленную и крѣпко потертую тетрадку, писанную уставомъ и довольно безграмотно. Порывшись въ тетрадкѣ, старикъ указалъ мнѣ

на одну страницу и пригласилъ прочесть. Я прочелъ слѣдующее: „Антихристъ титанъ преисподней, и нарицаеть себѣ имя по врейски авдонъ, по иланиски (поэллински?) аполонъ, а по гречески понотартъ, а по расейски антихристъ, возжеть огонь неугасимый, проліеть кровь яко воду... никакія силы его одолѣти не могутъ, только его угонять войско казаки, урядю брадатые, съ крестами, а Царыградъ будетъ взятъ тремя царями... и останется единъ царь, именемъ Константинъ... Книга Максима Грека: когда русскій народъ турковъ побѣдитъ и Царыградомъ начнетъ владѣти, тогда антихристъ явится въ самое взятіе Цареграда...“

— Ну, что, вѣрно?—спросилъ меня старикъ, когда я кончилъ чтеніе.

— Вѣрно-то вѣрно,—замѣтилъ я,—да вѣдь здѣсь только насчетъ Цареграда, а о Хивѣ ни слова.

— Спору нѣтъ,—возразилъ старикъ,—о Хивѣ тутъ не сказано; да, вѣдь, я тебѣ и давеча сказалъ, что самъ я насчетъ ея нигдѣ не читалъ; только въ томъ могу завѣрить, что у насъ отъ предковъ идетъ, что какъ-де завоюютъ Хиву, такъ кругомъ свѣта пойдутъ въ Ерусалимъ, гдѣ гробъ Господень, а изъ Ерусалима опять же кругомъ свѣта пойдутъ въ Царыградъ; а какъ только Царыградъ возьмутъ, такъ и шабашъ: міру конецъ! Это ужъ, сударь мой, вѣрно, вѣрнѣе смерти. Жаль, касатикъ, что Яковъ Михайлычъ Тарасовъ умеръ: онъ довелъ бы тебя насчетъ этой статьи до тонкости.

— А кто такой былъ Яковъ Михайлычъ?—спросилъ я рассказчика.

— Какъ кто такой? Неужто-жъ ты не зналъ его? Хорошъ же гусь, нечего сказать!—замѣтилъ старикъ не безъ ироніи, затѣмъ продолжалъ:—Да вѣдь Якова Михайловича Тарасова все общество знало; да что общество!—ребятишки-то градскіе, чай, всѣ знали его. Онъ жилъ въ Новоселкахъ и славныя удочки дѣлалъ, не хуже аглицкихъ; може статья, и ты, когда мальчуганомъ былъ, покупывалъ у него удочки, припомни-ка?

Я отрицательно покачалъ головой. Старикъ съ досады махнулъ рукой и потомъ заговорилъ:—Вы всё таковы, не въ обиду будь сказано. Къ примѣру, какого-нибудь балалаечника, скоморошника изъ нашего брата вы знаете, а такихъ людей, каковъ былъ покойный Яковъ Михайлычъ, не знаете; да вѣдь это, батенька, былъ столбъ старой вѣры! Это былъ такой грамотей, такой начетчикъ, какихъ еще свѣтъ не видывалъ: онъ всѣ книги, сколько ихъ ни есть въ Расеѣ, и рукописныя, и печатованныя,—дай ему Богъ царство небесное,—всѣ отъ доски до доски прочелъ, и по тому самому ни одинъ церковный священникъ, ни одинъ благочинный спорить съ нимъ не могли; всѣхъ ихъ Тарасовъ побѣждалъ, всѣхъ значитъ сильнѣе былъ насчетъ божественнаго писанія и насчетъ всего, что касается до креста, до семипросфорія, до аллилуія и проч. такого; одно слово, покойникъ Тарасовъ всю подноготную зналъ; отъ него-то, братецъ мой, я своими ушами слышалъ, что Хиву до поры до времени взять нельзя. Въ тотъ разъ, какъ прошла молва о хивинскомъ походѣ, къ Тарасову гурьбой повалили народъ узнать, правда ли это и чего нужно ожидать отъ похода. Насчетъ того, будетъ ли походъ или нѣтъ—Тарасовъ прямо говорилъ, что не знаетъ и что знать этого не можетъ: „не святъ-де духъ“; а насчетъ того, удаченъ ли, счастливъ ли будетъ походъ, прямо такъ и рѣзалъ: „нѣтъ!“ Или: „пойдутъ, да не дойдутъ“—говорилъ Тарасовъ; или пойдутъ, да не воротятся; потому, говорилъ Яковъ Михайлычъ, что „время еще не приспѣло“. Оно такъ и вышло,—замѣтилъ рассказчикъ,—пошли и не дошли! Послѣ уже, когда походъ формально обозначился,—продолжалъ старикъ, начальство, должно полагать, запретило Тарасову говорить правду, и онъ скрытничалъ. Къ примѣру, придетъ къ нему какая-нибудь старушка, заливается слезами: знамо, сына или-бо внука вьюношу снаряжаетъ въ походъ, спроситъ какъ и что, а Тарасовъ только и скажетъ: „Молись, молись, касатушка: безъ воли Божіей и волосъ съ головы не упадетъ; Господь поможетъ—единъ побіетъ тысячу, а тысяча побіетъ тьму!“ Это ужъ онъ говорилъ такъ

только, чтобы успокоить народъ, а потихоньку-то, межъ близкими людьми, прямо рѣзалъ, что не будетъ удачи“.

— Да Тарасовъ могъ и сболтать, наобумъ сказать! — замѣтилъ я.

— Нѣтъ, касатикъ, не грѣши!—сказалъ старикъ съ жаромъ:—Тарасовъ не такой былъ человѣкъ, чтобы болтать и наобумъ говорить; одно слово, человѣкъ онъ былъ испытанный: о чемъ и когда онъ ни предсказывалъ, ничто, сударь мой, во ложь не оставалось. Къ примѣру, лѣтъ за десять до хивинскаго похода, была война у нашего царя съ Туркомъ; армія наша зашла въ Туречину; вездѣ, на каждомъ, значить, шагу била и гнала турецкую армію и подошла близехонько къ самому Царюграду. По газетамъ слышно было, что стоитъ наша армія отъ Царяграда близехонько, всего въ какихъ-нибудь 30 или бо въ 40 верстахъ. Чиновники наши, что газеты читаютъ, бывало говорятъ намъ, что не нынѣ-завтра армія наша вступитъ въ Царьградъ; а Тарасовъ, царство ему небесное!—говорилъ напротивъ, то-ись, что этого быть не можетъ, что время еще не приспѣло!—Наплюйте мнѣ въ глаза,—говорилъ онъ,—есть когда наши возьмутъ Царьградъ!—Да вѣдь наши уже близко отъ Царьграда!—говорятъ Тарасову.—Нужды нѣтъ, что близко,—отвѣтитъ на это Тарасовъ: — и ближе будутъ, а все-таки не возьмутъ; и подъ стѣнами постоятъ, и все-таки вернутся вспять! — Оно такъ и случилось, — замѣтилъ старикъ: прошло сколько-то времени, слышимъ: замиренье съ туркомъ; армія наша вернулась домой, Царяграда не видала... Иль-бо вотъ что еще скажу насчетъ Царяграда же,—продолжалъ рассказчикъ послѣ небольшого перерыва нашей бесѣды: — предъ тѣмъ, какъ быть войнѣ подъ Севастополемъ, наши пошли за Дунай, въ Туречину, значить, и хлестко было пошли, надо отдать справедливость: вездѣ били турка. Всѣ думали, что туркамъ капутъ пришелъ, что Царьградъ будетъ за нами; а Тарасовъ—царство ему небесное!—покачивалъ только головой, да поговаривалъ:—время не приспѣло, время не приспѣло, братцы!—Оно такъ и вышло! наши подошли еще только подъ

Селистру—это такая крѣпость турецкая,—пояснилъ рассказчикъ,—да, подошли, говорю, наши только еще подѣ Селистру, какъ, слышимъ, за турка вступились французъ и англичанинъ, да, не говоря дурного слова, вломились къ намъ въ Расею, то-ись, подѣ Севастополь; турокъ-то, подлець, и остался въ сторонѣ и до сихъ поръ владѣеть Царыградомъ. Значить, правду сказалъ покойный Яковъ Михайлычъ, что время не приспѣло. Да-съ, это такъ! Хоть не меня, другихъ кого спроси, и всякъ скажетъ тебѣ то-же, то-ись, что Яковъ Михайлычъ зря, наобумъ, никогда не болталъ, а всякое его слово попадало въ точку. Вотъ хоть бы насчетъ все той же Хивы: есть когда по твоему Тарасовъ наобумъ говорилъ, то разсуди на милость, съ чего жъ взяли сами хивинцы говорить тѣ же рѣчи, то-ись, что для Хивы время не приспѣло; значить, и у нихъ въ книгахъ написано.

— Когда жъ и кому хивинцы объ этомъ говорили? — спросилъ я рассказчика.

— А вотъ когда, — сказалъ старикъ. — Когда Василій Алексѣевичъ Перовскій задумалъ идти на Хиву, то приказалъ задержать всѣхъ хивинскихъ купцовъ, кои пришли въ ту пору изъ Хивы въ Оренбургъ съ караванами. Не помѣстно ли было въ Оренбургѣ, или по чему другому, не умѣю тебѣ сказать, а только то извѣстно, что большею частію хивинцевъ пригнали изъ Оренбурга къ намъ, въ Уральскъ, и размѣстили въ солдатскихъ казармахъ. Караулъ къ нимъ представили изъ нашихъ казаковъ, словно будто бы къ плѣнникамъ. Хорошо. Хивинцы сильно приуныли, да и нельзя было не приуныть: до кого не коснись, своя рубаха къ тѣлу ближе. Хорошо. Надзоръ за хивинцами былъ не такой, какой бываетъ за настоящими арестантами: не ковали ихъ, не запирали въ секретныя; пускали ихъ на базаръ за покупками и къ нимъ слободно допускали желающихъ, къ примѣру, татаръ-купцовъ, киргизовъ и др. Такимъ манеромъ добыли они отъ своей братіи басурмановъ какую-то книгу и вычитали въ ней, что для Хивы время не приспѣло; вычитали это, сударь мой, и совершенно переродились. Дотолева были унылы,

печальны, неговорливы, а тутъ повеселѣли, собаки, словно бы и не въ плѣну сидятъ; и откуда взялись рѣчи, пошли сказки, смѣхи да хихи; одно слово, переродились хивинцы, будто и не въ плѣну, будто не до нихъ касается. Дѣло, замѣть, было въ срединѣ зимы: Перовскій былъ уже далеко въ степи. Отъ Василія Алексѣевича часто приходили въ Уральскъ письма къ Матвѣю Львовичу, нашему атаману, что въ отрядѣ-де все обстоитъ благополучно, что отрядѣ-де подвигается впередъ. Въ ту пору сложили у насъ въ отрядѣ пѣсню и прислали списокъ съ нея въ Уральскъ; въ этой пѣснѣ были такія слова:

„Славно, братцы, пришло время!
Мы идемъ всѣ на Хиву;
Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу“...

и прочее такое, все насчетъ того, что русскіе скоро, скоро зададутъ хивинцамъ перц-аз-ра. Хорошо, слушай. Родственникъ мой, урядникъ Чапуринъ, все время находился въ караулѣ при хивинцахъ, покуда они содержались у насъ въ городѣ. Вотъ онъ-то, этотъ самый Чапуринъ, и пересказывалъ хивинцамъ, что слышно было изъ отряда; знамо дѣло, говорилъ и про пѣсню, переводилъ слова ея хивинцамъ, а они, мошенники, и въ усь не дуютъ: подсмѣиваются и подшучиваютъ. „Спору нѣтъ“, говоритъ однажды старый хивинецъ Чапурину: „русскіе люди храбрые, може всѣхъ храбрѣе и воинчѣе (воинственнѣе), особенно вы, д ж а и к ъ у р у с ы (то-есть мы, уральскіе казаки, пояснилъ рассказчикъ), а нашей Хивы все-таки не видать вамъ, какъ ушей своихъ: время еще не приспѣло! Хоша вашъ Перовскій и смѣло пошелъ на Хиву“, говоритъ хивинецъ, „однако не на добро: иль бо къ нашимъ въ руки попадетъ и одну чашу съ Бековичемъ испіетъ, иль бо испугается и съ полпути вернется назадъ“. Оно такъ и вышло, замѣтилъ старикъ и потомъ продолжалъ:—Хоша нашему брату и прискорбно слышать такія рѣчи отъ поганныхъ хивинцевъ, а все-таки супротивъ этого ничего не подѣлаешь: что правда, то прав-

да! А всего важнѣе, сударь мой, та вещь, что хивинцы почитай слово въ слово говорили то же, что говорилъ и нашъ Яковъ Михайловичъ Тарасовъ. Выходить: Хива — страна подъ заклѣтьемъ: до поры, до времени покорить ее никимъ манеромъ нельзя. Такъ что ли?—спросилъ меня старикъ, слегка дотрогиваясь до моего плеча и глядя прямо на меня съ видомъ увѣренности, не допускавшимъ никакого возраженія.

— Должно быть такъ—отвѣтилъ я, кивнувъ головой.

— Именно такъ!—сказалъ старикъ и потомъ прибавилъ: —Ну-съ, теперъ пойдетъ рѣчь о самомъ походѣ. Слушай.—И старикъ началъ:—Въ походъ мы, то-ись уральцы, выступили съ нашей низовой линіи, изъ Калмыковской крѣпости; а Перовскій съ солдатами, башкирцами, оренбургскими казаками и со всей своей свитой, вышелъ другой дорогой, изъ Оренбурга. Сошлись мы съ Перовскимъ, есть когда не ошибаюсь, у Темиръ рѣки. Хорошо. Насъ, уральцевъ, было два полка: одинъ № 4, что отъ наслѣдникова года остался, а другой, № 5, вновь снаряженъ былъ собственно для этой оказіи. Этотъ полкъ набранъ былъ изъ форфошиковъ, то-ись изъ линейныхъ казаковъ. Знамо дѣло, выбирали казаковъ самыхъ лучшихъ и на самыхъ лучшихъ лошадяхъ. Хорошо. Мѣсяца за два иль бо за три до похода велѣно было намъ откармливать лошадей какъ наивозможно лучше, и мы откормили,—и все это, касатикъ, на свой счетъ: на то, значить, и казаки! Сами не ѣли, а лошадушекъ кормили—кто овсомъ, кто мѣсегомъ, кто печенымъ хлѣбомъ. Печеный хлѣбъ больно полезенъ для лошади,—пояснилъ старикъ:—съ него лошадь больше дюжить; хотя тѣломъ послѣ и спадеть, однако, мозгами въ костяхъ сильна бываетъ. По этой причинѣ каждый казакъ и заботился о лошади пуще не знай чего, послѣднее втраплялъ въ лошадку. Знамо дѣло, походъ походомъ, что и толковать, а свои души берегли. Знаешь поговорку старыхъ казаковъ: конь подо мной, то и Богъ надо мной?! Хорошо. Одѣяніе себѣ подѣлали сами же, по своему вкусу, кто какое хотѣлъ и какое считалъ удобнымъ и

пользительнымъ для своего тѣла. Насчетъ этого, спасибо Перовскому! прибавилъ рассказчикъ—предоставилъ, значитъ, намъ на изволящаго, и хорошо сдѣлалъ: по нашей милости, безъ похвалыбы скажу, и воротился изъ похода цѣлъ; а сдѣлай иначе, къ примѣру—вели одѣться намъ по настоящей формѣ, какъ солдатешекъ одѣвали,—ну, и шабашъ, пиши пропали! перемерзли бы мы, перехворали всѣ до одинаго; тогда не съ кѣмъ бы и вернуться Перовскому во-свояси.

— А что, развѣ солдаты плохо были одѣты? спросилъ я рассказчика.

— Плохо-то, пожалуй, не плохо, а какъ слѣдуетъ, по-солдатски, да только не по-походному, не по-зимнему,—сказалъ старикъ.—Къ примѣру, обыкновенная солдатская шинель, а подъ ней джибажинная короткая шубка (полушубокъ), покрытая бѣлымъ холстомъ, потомъ суконныя шаравары да съ длинными голенищами сапоги; потомъ обнаковенная теплая солдатская фуражка съ ушами—вотъ и все одѣяніе, вотъ и вся защита отъ холода! Въ другихъ какихъ случаяхъ, примѣрно въ походахъ по жидымъ мѣстамъ, гдѣ есть обнаковенныя избы, конечно, ничего: хоша-бъ и плоше солдатики были одѣты, все-таки бы перенесли, потому днемъ на морозѣ, а ночью въ избѣ; иль бо ночью на морозѣ, а днемъ въ избѣ, ну, и есть, значитъ, время обсушиться, обогрѣться; а что касается киргизской степи, да въ зимнее время, да въ лютые морозы, да въ страшнѣющіе бураны, коли и волкамъ бываетъ жутко, ну, тутъ пѣшему солдатикѣ въ шинелькѣ да въ джибажинѣ нѣтъ ходу!

— Ну, а вы-то какъ же одѣвались?—спросилъ я себе-сѣдника.

— Мы-то?—переспросилъ старикъ и потомъ продолжалъ: —Я ужъ сказалъ, что всякъ изъ насъ одѣвался по своему вкусу. Къ примѣру о себѣ скажу: первымъ дѣломъ, на мнѣ была, поверхъ рубахи, фуфаечка, стегана на верблюжьей шерсти, такая мяконькая, а поверхъ ея новый изъ урослыхъ мерлушекъ полушубокъ, немного ниже колѣнъ, крытый черной китайкой. Это, знаешь, для корпуса, а для ногъ было

вотъ что: поверхъ облаковенныхъ штановъ другіе штаны, стеганы на верблюжьей же шерсти, верхъ китаечный, а низъ выбойчатый, тоже такіе мягкіе, такіе теплые, не уступать фуфайкѣ, а поверхъ ихъ кожаныя киргизской выдѣлки шаравары. Сапоги, знамо дѣло, огромнѣющіе, а онучь пять аршинъ съ походцемъ. По сапогамъ глядя, и стремяна состроили деревянные: это для того еще, знаешь, что отъ дерева, не какъ отъ желѣза, ноги не зябнутъ. Хорошо. Полушубокъ, якобы кафтанчикъ, подпоясывалъ ремнемъ, какъ для теплоты, такъ и для ловкости. Одѣянье, самъ видишь, удобное. Но это еще, батенька, не все; этого все-таки мало. Дальше, поверхъ полушубка—саксачій тулупъ, якобы хламида какая, а поверхъ саксачьяго тулупа облаковенная киргизская доха, изъ рыженькихъ жеребчиковъ, хоша и не красива, зато тепла. Тулупъ съ дохой тоже подтянешь другимъ поясомъ для удобства. Хорошо. На головѣ, извѣстно, баранья шапка, а поверхъ шапки, на случай бурана, башлыкъ изъ верблюжьего сукна, да, про запасъ, еще киргизской овчины малахай, по нашему т р е у х ъ. Вотъ этакъ-то я и былъ одѣтъ—и важнецъ!—заклучилъ старикъ. —Такимъ же точно манеромъ, продолжалъ онъ, и прочіе казаки позаботились о себѣ, то-ись каждый казакъ имѣлъ и полушубокъ мѣховой съ разными мяконькими и теплыми фуфаячками, иль бо курточками, иль бо халатиками, и тулупъ саксачій съ дохой иль бо съ зипуномъ изъ верблюжьего сукна, и башлыкъ съ треухомъ; одно слово, каждый казачекъ изъ послѣдняго лѣзь, а одѣлъ, укуталъ себя такъ, чтобы морозъ отскакивалъ. И оттого-то мы, уральцы, какъ пошли молодцами, такъ и шли всю дорогу молодцами, такъ и домой вернулись молодцами, то-ись ни одинъ изъ насъ не замерзъ до смерти, подобно бѣднымъ солдатикамъ...

— А развѣ замерзали солдаты?—спросилъ я рассказчика.

— Было дѣло! — сказалъ старикъ какъ-то нехотя.

— Отчего же?

— Чудной ты человекъ!—спрашиваешь, отчего. Сказано: одѣты были по-казенному, вотъ отчего! По-нашему одѣтъ ихъ,

продолжалъ- старикъ,—нельзя: дорого, казны много потребуется: опять и то: есть когда одѣть ихъ по-нашему, то надо было бы коней подѣ нихъ, а пѣшимъ боемъ въ нашей одеждѣ не повернешься; какъ, значитъ, не кинь — все выходитъ клинъ! Одно слово, пѣшему солдатику въ киргизской степи зимнимъ временемъ нѣтъ ходу, объ этомъ и толковать нечего. Есть когда-бъ Перовскій догадался, разсуждалъ старикъ, набралъ насъ однихъ, то-ись, уральцевъ, да въ придачу башкиръ и киргизишковъ сколько-нибудь взялъ, хотя бы для обращенія съ верблюдами, тогда-бъ дѣло-то вышло совсѣмъ иное; мѣсяца въ три, безъ похвальбы сказать, мы были бы въ Хивѣ, и хоша бы и пришлось поворотить оглобли назадъ, но урона-бъ въ людяхъ не было. На грѣхъ, насъ-то въ ту пору было мало на Уралѣ; почестъ все войско было въ раскомандировкахъ: къ примѣру, въ Москвѣ былъ полкъ, на Кавказѣ полкъ, въ Бессарабіи полкъ, въ Финляндіи полкъ; и еще кое-гдѣ по сотнѣ, по двѣ сотни. Вотъ если-бы Перовскій догадался, требовалъ всѣ наши полки въ дома, да годика два далъ намъ вздохнуть, да потомъ бы ужъ и сочинилъ походъ съ нами одними, тогда-бъ было не то: что бы тамъ ни вышло, по крайности маху такого бы не далъ, орду поганую не насмѣшилъ бы; удалось ли бы побывать въ Хивѣ, нѣтъ ли—это особъ статья, не къ тому и рѣчь веду: по крайности не поморозилъ бы людей, вотъ къ чему я рѣчь веду. Мы тогда же заговорили промежъ себя, какъ въ походъ собирались, что Василій Алексѣичъ напрасно беретъ съ собой солдатиковъ: съ ними связь одна! Оно такъ и вышло. Правду что ли я говорю?—спросилъ меня старикъ.

Я кивнулъ головой. Старикъ продолжалъ:—Помню: выходили мы изъ Калмыковской крѣпости въ обѣденную пору въ самое заговѣнье, то-ись, въ день Филиппа апостола (14-го ноября). И были же тутъ проводы, и было же разставанье, —на оказію! Чудное дѣло, сударь мой! Сколько на своемъ вѣку видалъ я проводовъ, сколько разъ доводилось и самому оставлять родимую сторону; а ужъ такихъ проводовъ сроду не видывалъ: стонъ, вой, плачь, рыданіе со всего свѣта! Какъ

теперь смотрю: схватить иная женщина за шею сына да такъ и замретъ, хошь водой разливай! Да что объ этомъ говорить! —не диво, что мать обнимаетъ сына; нѣтъ, сударь мой, иная мать, словно въ чаду, отъ сына къ лошади кинется, и ту обовьетъ руками вокругъ шеи, да и повиснетъ; виситъ, да плачетъ, да приговариваетъ:

„Ужъ конь ты нашъ сѣрый,

Конь сѣрошѣгій!

Не покинь ты млада-вьюноша,

Сына мово милова.

Не дай ты взять верху надъ собой

Коню басурманина.

Вывези мово сына

На родимую сторонку.

Отпладу же я тебѣ

За то сторицею:

Подкую тебя

На серебряны подковки.

Сплету я тебѣ своими руками

Уздечку шелковую;

Покрою тебя

Попоной ковровою;

Уберу я тебѣ гриву

Въ ленты алая.

Будешь ты у насъ стоять

Въ стойлицѣ ясеневомъ;

Будешь ты у насъ ѣсть

Бѣлоярную пшеничку;

Будешь пить

Воду ключевую,

А не то—сыту медвяную.

Годубчикъ сѣренкій,

Сѣрошѣгенькій!

Не покинь мово вьюноша

Въ ордѣ басурманской“.

Причитаетъ, причитаетъ такъ-то, да и бухнется коню въ ноги, яко бы къ человѣку, обхватить ихъ и цѣлуетъ; ноги-то, сударь, у коня цѣлуетъ; а конь—дивная вещь!—конь хоть бы что: въ другое время не точію баба, а и ка-

закъ, разиня ротъ, не подходи къ нему—шарахнется и такого страху задастъ, что душа уйдетъ въ пятки, а тутъ стоитъ, родимый, смирнехонько, словно коровушка, только ушками поводитъ, какъ бы прислушивается, да слегка головой потряхиваетъ, какъ бы даетъ понять: „хорошо-де, слушаю!“ да мордочкой обнюхиваетъ женщину. Тварь—тварь, а чуетъ, голубушка, что дѣло-то не тово... не на шутку затѣяно. Одно слово, разставанье было горькое! А отчего, батенька? Все оттого, что подъ Хиву пошли. Сказано: страна подъ заклятіемъ; то-ли, се-ли—а дешево не обойдется, вотъ отчего!

„Лагерь былъ назначенъ верстахъ въ 3-хъ отъ Яика, но казаченьки всѣ собрались туда только къ полуночи; знамо, разставанье задерживало. Яикъ, помню, переходили по льду, а снѣга еще не было, да и морозцы въ ту пору были легкіе; но къ зарѣ, въ первую же ночевку, задула, сударь мой, такая злѣющая сиверка—носъ воротить! Вотъ тебѣ и разъ, думаемъ: не успѣли скрыться изъ виду отъ домовъ, а зима на встрѣчу. Тутъ на умъ намъ все тѣ же солдатики; коли, ужъ, намъ, уральцамъ, въ саксачьихъ хламидахъ жутко, то какво, думаемъ, теперь солдатакамъ въ шинелькахъ съ свѣтлыми пуговицами. Бѣда! — Старикъ потрясъ головой и потомъ продолжалъ:—Утромъ поднялись, повернулись лицомъ къ Яику, перекрестились, въ последний разъ поклонились родной землѣ, отечеству, махнули рукой и пошли въ путь-дорогу; знамо дѣло, пошли съ пѣснями; таковъ ужъ обычай, а на сиверку-смотрѣть нечего. У Темирѣ рѣки, я ужъ тебѣ сказывалъ, сошлись съ Перовскимъ и съ остальной ратью. Покуда мы шли къ Темиру, перепадали временемъ снѣжки порядочные, да по крайности бурановъ злѣющихъ не было; а какъ пошли дальше отъ Темира, такъ кажинный Божій день зарядили бураны да бураны, отдыха нѣтъ, и откуда они, этакая вещь, взялись, даже киргизамъ на удивленье.

„Навалило снѣгу столько, что ступить нельзя: лошади по брюхо; стыдъ злѣющая, словно сверломъ сверлитъ тебя. Справедливо, видно, говорится: куда русскій не зайдетъ, а зиму съ собой непременно приве-

детъ. Вотъ ты теперь и посуди, каковъ былъ походъ хивинскій,—одно слово, гибель!

— Однако, каковъ же онъ былъ?—Разскажи-ка съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой!—сказалъ я своему собесѣднику.

— А вотъ каковъ онъ былъ, слушай.—И старикъ началъ:—Лагерь стоитъ, отрядъ спитъ. Ладно. Часа въ три или въ четыре за полночь, еще далеко до свѣта, встаетъ Ц—ій, полковникъ ли, енераль ли, не помню ужъ, а одно знаю,—первый человѣкъ у Перовскаго, правая его рука, что называется. О немъ я послѣ поразскажу тебѣ, что за персона такая была этотъ Ц—ій, а теперь рѣчь о походѣ. Да, встаетъ, говорю, Ц—скій и зычнымъ голосомъ кричитъ: „горнисть! труби подъемъ“. Задудить горнисть Ц—го на весь лагерь, и въ тотъ же мигъ подхватятъ и задудятъ прочіе горнисты, а гдѣ горнистовъ нѣтъ, тамъ барабаны забьютъ: значитъ, будетъ-де прохладяться; вставай! Хорошо. Всѣ, значитъ, пробуждаются, всѣ встаютъ, всѣ волей-неволей вылѣзаютъ изъ джуламеекъ и начинаютъ убираться на походъ. Киргизы и башкиры выючатъ верблюдовъ; нашъ братъ имъ помогаетъ, вытягиваютъ верблюдовъ въ линіи, по нашему въ нитки; примѣрно, одна нитка съ овсомъ, другая съ сухарями, та съ тѣмъ, эта съ этимъ. Джуламейки ломаютъ, разбираютъ и выючатъ на верблюдовъ же. Солдатики строятся въ ряды, ротами. Нашъ братъ, казаки, становятся посотенно. Чиновники разѣзжаются по лагерю, распоряжаются, даютъ приказанія. Наши ефрейторы и вахмистры мечутся туда-сюда: наряжаютъ, значитъ, кого въ боковые патрули, кого въ передній, кого въ задній „а л е н г а р д ѣ“, кого къ кому на вѣсти, кого къ ниткамъ, кого куда. Киргизы и башкиры галдятъ, верблюды ревутъ, кони фырчатъ, колеса подъ антиреліей скрываютъ. Больные солдатики охаютъ, стонутъ. А буранъ свое дѣло справляетъ—вьетъ, мететъ, завываетъ; одно слово, свѣта преставленіе! И длится эта исторія, сударь мой, часа два, а иногда и больше, а солдатики, замѣтъ, тѣмъ временемъ стоятъ въ рядахъ, обло-

котившись на ружья; стоять, голубчики, и дрогнуть. На-
последокъ, какъ должно, уберемся. Опять горнисты задудятъ;
опять въ барабаны забыютъ—значить, ступай въ походъ!
И пойдемъ въ походъ. Идемъ шагъ за шагомъ, батенька, по
тому самому, что снѣгъ выше колѣна. Вдругъ scomандуютъ:
„стой!“ Остановились. Что такое? Верблюды повалились съ
вьюкомъ и всю нитку остановилъ, разстроилъ. „Экой грѣхъ!“
думаешь. Однако, разсуждать некогда; надо, значить, вер-
блюда развьючить, поднять, расчистить снѣгъ, чокнуть
верблюда, то-есть положить его должнымъ манеромъ, потомъ
снова навьючить, потомъ все въ порядокъ произвести и по-
томъ ужъ снова идти въ путь-дорогу. Хорошо. Управились.
Идемъ. И только лишь отойдемъ сколько-нибудь, глядишь,
опять кричатъ: „стой!“ Что такое? Опять та же, батенька,
исторія, то-есть, верблюды валятся; опять, значить, оста-
новка. А отчего верблюды валятся? Оттого, что снѣгъ глу-
бокъ, а верблюдъ—скотина хлибкая, по глубокому снѣгу
идти не можетъ. Случалось не разъ, что людей высылали
впередъ съ лопатами, чтобы расчищать дорожку для верблю-
довъ, а скоро ли такое дѣло? Такимъ манеромъ отрядъ
подвигался шагъ за шагомъ, и почти на каждомъ шагу
остановка; а каждая остановка, батенька, доставалась солда-
тикамъ съ сокомъ. Къ примѣру, идетъ солдатикъ съ
ранцемъ за спиной да съ ружьемъ въ рукахъ, идетъ, версты
двѣ мѣситъ снѣгъ, а онъ выше колѣнъ; дергаетъ, дергаетъ
ноги, устанетъ, вспотѣетъ, взмылится, а тутъ вдругъ оста-
новка. Покуда поправляютъ верблюдовъ, покуда ждутъ,
какъ расчистятъ впереди дорожку, тѣмъ временемъ солда-
тикъ стоитъ и стынетъ на вѣтру и на морозѣ, да такъ иной
бѣдняжка застынетъ, зачоченѣетъ, что опосля съ мѣста тро-
нуться не можетъ—сажай тогда его на верблюда въ зыбку.
Для этого особенно были назначены верблюды, пояснилъ
разсказчикъ: на нихъ съ боковъ привѣшены были такіа
мѣстечки, въ родѣ зыбокъ; въ нихъ-то и грузили солдати-
ковъ. Опять, и зыбка не въ спасеніе,—замѣтилъ старикъ:—
покуда отрядъ идетъ, покуда на стоянку придетъ, тѣмъ

временемъ солдатикъ, сидя въ зыбкѣ безъ движенія, еще больше закоченѣтъ. Это я тебѣ не лгу: я самъ часто бывалъ въ нарядѣ при верблюдахъ съ зыбками. Бывало, какъ придешь на стоянку, такъ нѣсколько зыбочныхъ солдатиковъ своими руками примешь съ зыбки, словно дѣтей, да прямо въ лазаретъ и отнесешь: значить, отжили свой вѣкъ. Просто, безъ смерти смерть! Часа за два, за три до сумерекъ,—продолжалъ старикъ,—отрядъ остановится на ночлегъ. Хорошо. Хорошо, да не больно! Солдатики и безъ того измучились, перезябли, а тутъ еще надо расчищать снѣгъ, надо ставить джуламейку (на 25 человекъ полагалась одна джуламейка); надо, пуще всего, добыть дровъ, то-ись набрать изъ-подъ снѣга кой-какой травки, кой-какихъ корешковъ, чтобы развести огонь и обогрѣться; а скоро ли все это сдѣлаешь? Солдатики народъ непривычный, къ этому дѣлу несручный, а снѣгъ, тебѣ ужъ сказано, снѣгъ выше колѣнъ, чуть не по поясъ, сверху зачернѣлъ, а трава рѣдкая, скоро ли наберешь ее!? А хоша и наберешь сколько-нибудь, надо первымъ долгомъ разжечь, а она промерзла, обледенѣла, не повинуется, мошеница, не горитъ, только курится; только, значить, дымъ одинъ даетъ, а дымъ, извѣстно, глаза только ѣсть, не грѣть... А морозъ, буранъ свое дѣло справляетъ, жмутъ и до костей принимаютъ. Случалось, батенька, такъ: покуда ставятъ джуламейку, покуда раздобудутся огнемъ, тѣмъ временемъ, глядишь, иной солдатикъ какъ упрется объ ружье, такъ и закоченѣтъ: неси, значить, въ лазаретъ. Выходить—стоянка не лучше похода. И такъ ли, сякъ ли, поставятъ, однако, джуламейку; залѣзутъ въ нее солдатики, да не всѣ: инымъ, кто подъ очередь, надо идти на часы къ бунтамъ, ну и пропасть солдатикъ! Не бѣда идти на часы изъ теплой избы или караулки, а съ часовъ въ избу: по крайности, послѣ часовъ есть гдѣ обогрѣться; джуламейка же, сударь мой, не изба, особенно за полночь, когда ужъ въ ней не точю огня, а и золы-то, и дыму-то нѣтъ: что на дворѣ, то и въ ней... Стоя на часахъ, солдатикъ передрогнетъ, закоченѣтъ, а послѣ смѣны и

обогрѣться негдѣ; ну и пропалъ. Не разъ, батенька, случилось, что солдатики на часахъ до смерти замерзали, особенно послѣ того случая, какъ одного часового разстрѣляли.

— За что же?

— Знамо, за что: артикуль не соблюлъ, то-ись часы бросилъ.

— Какъ же такъ?

— А вотъ какъ. Слушай. Поставятъ солдата на часы, къ примѣру, на часъ времени, а онъ и полчаса не вытерпитъ, кричитъ смѣну, а смѣна якобы не слышитъ. Дѣло извѣстное: и ефреторъ, и солдатики очередные—люди же, кой-какъ пригрѣлись, не хочется, значитъ, прежъ времени вылѣзть изъ джуламейки и идти на буранъ; по этой самой причинѣ припишется, яко-бы спать, не слышать. Солдатыкъ часовой кричитъ, кричитъ смѣну, не докричится, и самъ пойдетъ въ джуламейку будить ефретора. Ладно. Случалось это не разъ, не два, все сходило съ рукъ. Ближніе начальники, къ примѣру, ротный командиръ или кто другой тамъ, тоже, статья, и видѣли, да сквозь пальцы смотрѣли; дѣло извѣстное: по человѣчеству смотрѣли. Ладно. Но вотъ какъ-то разъ, во время злѣющаго бурана, одинъ бѣдный солдатикъ продрогъ донельзя, до самаго, что называется, мозга и потерялъ разсудокъ; бросилъ, гдѣ стоялъ, ружье и побрелъ, куда глаза глядятъ, то-ись, правду надо сказать, не куда глаза глядятъ, а куда буранъ погналъ. Какъ шальной, въ забывчивости, солдатикъ изъ лагеря вонъ вышелъ, не попалъ, значитъ, ни на одну джуламейку и очутился въ степи, а буранъ, словно овцу, гонитъ его да гонитъ и пригналъ на цѣпь, а цѣпь всегда занимали мы, уральцы. Попадись онъ намъ однимъ, глядишь бы, мы, може статья, отогрѣли бы его своими тулупами, да отвезли на то мѣсто, откуда онъ ушелъ; глядишь бы, дѣло-то уладилось. Но на бѣду солдата, случился въ ту пору на цѣпи Ц—ій съ конвоемъ: повѣрялъ, значитъ, цѣпь. Увидавши солдата, Ц—ій и запялъ, и велѣлъ взять солдата подъ арестъ и представить въ лагерь. Заутро, слышимъ, судъ нарядили

надъ солдатикомъ; велѣно осудить въ 24 часа, яко измѣнника; а солдатикъ, говорили, и отвѣтовъ никакихъ дать не можетъ, потому, сказано, что разсудокъ потерялъ, сначала отъ мороза, а послѣ отъ испуга. Однако, судъ ни на что не посмотрѣлъ—на то онъ и судъ—и присудилъ солдатика къ разстрѣлу. Ложь ли, правда ли, говорили, яко бы Перовскій не хотѣлъ разстрѣливать, долго не подписывалъ конфирмацію, да Ц—ій настоялъ; „для примѣра, говорить, безпрѣмѣнно нужно разстрѣлять!“ И разстрѣляли солдатика. Я не былъ у разстрѣла, признаться—совѣсть зазрѣла... Послѣ того всѣмъ и каждому подтвердили, что есть когда кто оставить часы, тотъ будетъ разстрѣлянъ яко измѣнникъ. „Умри, говорятъ, на часахъ, а дальше указанной черты шагу не смѣй сдѣлать!“ И точно,—прибавилъ старикъ:—съ того самага разу словно рукой сняло: ни одинъ солдатикъ часовъ не бросалъ, зато ужъ рѣдкая ночь проходила безъ того, чтобы гдѣ-нибудь не замерзъ солдатикъ до смерти. Бѣда!!

Старикъ сдѣлалъ плачевную гримасу и потомъ продолжалъ:—Бывало, стоишь на часахъ на цѣпи (насъ, братецъ мой, всегда на цѣпь становили, саженьяхъ ста въ два отъ колонны, да на маячные пикеты, версты за двѣ или бо за три отъ колонны, а солдатъ разставляли по карею), стоишь бывало на цѣпи и въ ину пору по вѣтру слышишь:—Смѣ-ѣ-ѣ-ну! Смѣ-ѣ-ѣ-ну! Заме-о-о-о-рзъ! Заме-о-о-о-рзъ. Это солдатикъ на часахъ кричитъ. Кричитъ, кричитъ, голубчикъ; тянетъ, тянетъ, сердечный, сначала внятно, а потомъ все тише да тише, а подъ конецъ совсѣмъ смолкнетъ... Мы ужъ знаемъ, что это значить; это, сударь мой, значить: солдатикъ, повыбимшись изъ силъ... Эхъ, да что объ этомъ толковать! Сказано: гибель была на солдатиковъ, и все тутъ!—Старикъ махнулъ при этомъ рукой и замолчалъ; видно, грустныя картины промелькнули въ его головѣ. Немного спустя, онъ заговорилъ:—Ложь ли, правда ли, была въ народѣ молва, сударь мой, въ такомъ смыслѣ: когда-де Василий Алексѣичъ собирался въ походъ и уговаривался насчетъ его въ Питерѣ съ царемъ, то батюшка-царь яко бы

говорилъ Перовскому: „Нужно ли тебѣ, Василій Алексѣичъ, забирать съ собой солдатиковъ; вынесутъ ли они зимній походъ; не лучше ли обойдтись одними уральцами?“ На это яко бы Перовскій представилъ царю такой резонъ: „Насчетъ этой статьи не извольте беспокоиться, ваше величество! Есть у меня такой чиновникъ, Ц—ій прозывается, больно дошлый человѣкъ, степной, что называется, ходатель: онъ сумѣетъ обрядить солдатиковъ такъ, что они и не почувютъ зимняго похода!“ Что правда, то правда!—замѣтилъ иронически рассказчикъ.—Еще бы не сумѣть обрядить солдатиковъ; мудрости тутъ особой нѣтъ: всякій это сможетъ сдѣлать, даже и не степной ходатель. Къ примѣру, джибажинка обойдется въ рубль, а въ казну можно показать въ два. Чего еще лучше! Ну, а насъ, то-есть, уральцевъ, обрядать нельзя: мы люди не казенные, а собственные; мы сами себя обрядаемъ. Вотъ по этой самой причинѣ, може статься, и нельзя было обойтись безъ солдатовъ!

Старикъ зло улынулся, взглянулъ на меня и потомъ прибавилъ:—Мы хорошо знаемъ, кто таковъ былъ Ц—ій, степной, ходатель! Онъ, чай, и Перовскаго-то обморочилъ. Ходатель-то степной онъ ходатель, спору нѣтъ, да кромѣ того, ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ прочихъ чиновниковъ, что при Васильѣ Алексѣичѣ были. Одно только было за нимъ художество: падохъ былъ на побои. Бывало за всякую малость лупить нашего брата и всякаго, кто у него подъ командой; лупить, сударь мой, нагайками не на животъ, а на смерть. Насчетъ этого Ц—ій,—не тѣмъ будь помянуть!—сущій звѣрь былъ. Онъ и Перовскаго-то подбилъ, я ужъ тебѣ сказывалъ, чтобы разстрѣлять солдатика, что съ часовъ ушелъ; одно слово, звѣрь былъ, а не человѣкъ. Зато и кончину получилъ звѣрскую: подъ старость жилъ онъ въ покоѣ въ своей деревнѣ, и тамъ уходилъ его какой-то изъ халуевъ: въ окно изъ ружья всадилъ ему пулю въ лобъ. Такъ-то вотъ!—проговорилъ старикъ и сдѣлалъ головою такое движеніе, которое въ переводѣ означало: „По дѣломъ-де!...“

— Ну, а васъ-то, уральцевъ, какъ Богъ править?—спросилъ я рассказчика.

— Кривую стрѣлу Богъ править, батенька!—сказалъ старикъ и самодовольно засмѣялся.—Надъ нами смѣются, къ примѣру, иногородные чиновники, купцы и всякій людъ расейскій: называютъ насъ кошомнымъ войскомъ. Что правда, то правда, противъ этого и спорить нельзя. Самъ знаешь, коли мы собираемся въ степные походы, то всякой-всячиной запасаемся, примѣрно и кошами, и тулупами, кошомными сапогами; ничѣмъ, батенька, не брезгуемъ, а главное, на щегольство не смотримъ; оно хоть съ виду-то неказисто, не по образцу, зато тепло, уютно, въ этомъ и дѣло-то все! Кошомное ли войско, не кошомное ли, все единственно: главная статья—теплое, не мерзлое войско. Вотъ хоть бы и въ тотъ разъ, какъ подъ Хиву пошли. Ты ужъ знаешь, какъ мы были одѣты, сортъ! Слушай теперича и смекай: може, самому доведется быть въ степяхъ зимой. Сидишь бывало на лошади, ѣдешь. Какъ ни укутанъ ты, а морозъ мало-по-малу пробираетъ; чувствуешь это, и сейчасъ съ коня долой. Идешь пѣшкомъ, коня ведешь въ поводу. Пройдешь сколько-нибудь шаговъ, чувствуешь, что нагрѣешься; тутъ ужъ бойся, какъ бы не взопрѣть. Сейчасъ остановишься, тулупъ съ зипуномъ долой, перекинешъ черезъ сѣдло; останешься въ одномъ короткомъ полушубкѣ; опять идешь, чувствуешь, холодъ сильнѣе пробираетъ въ полушубкѣ — ничего: прибавишь шагу, нагрѣваешься. Идешь, а самъ, какъ воръ, смотришь по сторонамъ, нѣтъ ли гдѣ чего полезительнаго. Видишь—торчитъ изъ-подъ снѣга кустикъ травы; „а, тебя-то и нужно, голубчикъ!“ скажешь кустикъ и сейчасъ къ нему; разгребешь ногами снѣгъ, сорвешь кустикъ, тонкія вѣточки обломаешь и сунешь въ ротъ лошади; та, разумѣется, рада, въ одинъ мигъ схватитъ и съѣстъ; такъ и ржетъ, такъ морду къ тебѣ и суетъ, словно цѣловаться хотеть; а что покрѣпче, потолще, примѣрно, стебельки, корешки, это свяжешь въ пучекъ, да и въ торока: значить, на дрова. Тѣмъ временемъ, покуда роешься у

куста, тѣмъ временемъ и лошадка не дремлетъ: разгребаетъ копытами снѣгъ и рветъ травку, какую найдетъ. Пройдешь такимъ манеромъ съ версту, нагрѣешься, опять въ хламиду и опять на лошадь; а тамъ, какъ почувешь морозъ, опять долой съ лошади и опять за то же. Такимъ побытомъ всю дорогу, отъ лагеря до лагеря, въ занятѣхъ: то себя грѣешь, то дровами запасаясь, то лошадекъ даешь волюготу и случай пощипать травки, дѣло-то и выходитъ важнецъ! Придешь теперь на стоянку, смотришь: почитай у каждаго товарища въ торокахъ пучекъ травы, а у иного цѣлое беремя: чего еще надо? Значить, на первый разъ дрова есть; значитъ, есть чѣмъ кашу сварить, есть около чего погрѣться. Сейчас хламиды долой. Что хламиды? Полушубки-то и тѣ долой; останемся въ однихъ халатикахъ или курточкахъ, схватимъ лопаты, и работа закипитъ; только паръ отъ насъ валить, словно въ жару на багренѣхъ. Буранъ ли тамъ, морозъ ли, намъ дѣла нѣтъ, наплевать! Мы знаемъ, что черезъ двѣ-три минуты будетъ у насъ защита. И точно, не успѣетъ, какъ говорится, дѣвка стриженной косы заплести, а у насъ готова джуламейка, у насъ горитъ пылаетъ костеръ, что твоя люминація, еще лучше! Вотъ тебѣ и кошомное войско.

Старикъ самодовольно улынулся. Потомъ продолжалъ:— У насъ вездѣ и во всемъ сноровка. Къ примѣру, мнѣ очередь въ караулъ, положимъ, на цѣпь иль-бо въ табунъ верблюжій, значитъ, сражаться съ бураномъ и морозомъ; въ такомъ случаѣ товарищи мои, хоша бы я и желалъ, ни въ жисть не допустятъ меня ни до какой работы, чтобы я не утомился и, пуще всего, не взопрѣлъ: буранъ и морозъ сейчасъ пронижутъ того человѣка, который взопрѣетъ. Пока расчищаютъ снѣгъ и уставляють джуламейку, ты стой или расхаживай, яко начальникъ какой; а какъ разведутъ огонь, ты садись къ нему ближе, сиди, словно невѣста, и грѣйся, чтобы послѣ супротивъ бурана не сдрѣфить. Тоже и насчетъ пищи. Къ примѣру, кому въ нынѣшнюю ночь въ караулъ, того товарищи накормятъ, что называется по горлышко: любой кусо-

чекъ мяса ему подсунуть, себя обдѣлять. А для чего? Для того, батенька, что часового съ сытымъ брюхомъ и морозъ уважаетъ, не такъ ужъ донимаетъ, какъ голоднаго: не сможетъ, значитъ. А вотъ насчетъ солдатиковъ нельзя этого сказать,—продолжалъ старикъ:—всякъ думалъ о самомъ себѣ. Да что солдатики? Оренбургскіе казаки, что въ походѣ были, и тѣ въ этомъ случаѣ не лучше солдатиковъ. Къ примѣру, варять кашу въ одномъ котлѣ артелью, а мясо порознь, то-ись, каждый казакъ привяжетъ къ своему куску кто нитку, кто мочалку; а послѣ, когда дѣло дойдетъ до ѣды, поднимутъ споръ, шумъ; одинъ кричитъ: „это мой кусокъ“, а другой ему въ отвѣтъ: „врешь, мой!“ И грѣхъ, и смѣхъ, батенька! Право, не лгу.

— Кстати, А. Д., насчетъ пищи-то Расскажи: что ѣли?

— Насчетъ пищи ничего,—отвѣтилъ старикъ:—пища была с н о с н а. Къ примѣру, каждому человѣку давали въ день по полуфунту мяса, сколько-то сухарей, крупъ; ну, а винная порція шла, кажись, по шести чаръ въ мѣсяцъ; тоже меду нѣсколько давали: медъ разводили въ горячей водѣ и пили замѣсто чаю, передъ походомъ. На лошадей давали по 1½ гарнца овса въ сутки. Больше ничего не давали. Спервоначала только сухарей давали очень мало, счетомъ нѣсколько сухариковъ въ сутки: берегли, значитъ; а подъ конецъ похода, когда, значитъ, стали верблюды валиться, давали вволю. Впрочемъ, сначала похода всего давали мало, по расчету; да мы, уральцы, на то не взирали: у насъ всего завсегда было въ волю.—Старикъ улыбнулся.

— Гдѣ-жъ вы брали?

— Воровали!

Старикъ опять улыбнулся.

— Какъ же воровали, развѣ не было караула?

— Коли не было! Были вездѣ и у всего караулы; что про это и говорить. Да намъ что за дѣло? Вѣдь мы кошомное войско, это не забывай! Къ примѣру, въ иномъ мѣстѣ мы сами караулъ, ну, толковать ли? своя рука владыка. Въ другомъ мѣстѣ, положимъ, солдатъ въ караулѣ, да вѣдь онъ,

сказано ужъ, человѣкъ мерзлый, до того ли ему: у такого караульнаго не только-что украсть немудрено: хоть самого-то укради, и то не услышитъ. Насчетъ этого я поразскажу тебѣ забавныя исторія, если когда угодно.

— Сдѣлай одолженіе!

— Ну, такъ слушай!

И старикъ началъ:

— Въ отрядѣ было всякихъ запасовъ вдоволь: и сухарей, и муки, и крупъ, и овса, и мяса, и сала, и меду, и капусты, и дровъ...

— Какъ, и дрова были?—прервалъ я разсказчика.

— Были, только не про нашего брата,—отвѣтилъ старикъ.

— Для кого же?

— Знамо, для кого; для Перовскаго и для большихъ чиновниковъ; вѣдь имъ не около-жъ курной травы грѣться. У Перовскаго и у большихъ чиновниковъ были кибитки изъ двойныхъ кошмъ, съ желѣзными печами, для нихъ, значить, и нужны были дрова. Кромѣ того, и для лазарета требовались дрова. Самъ посуди: не мерзлой же и обледенѣлой травой обогрѣвать больныхъ, иль-бо варить имъ лѣкарства, пищу. Вотъ для всего этого и было запасено много дровъ березовыхъ, еловыхъ и всякихъ другихъ; были и уголья. Теперь слушай. Въ отрядѣ, говорю, было всякаго добра вволю; но ничего съ залишкомъ не давали, а всего въ учетъ. Мало того, что давали въ учетъ, нѣтъ, сударь мой, приказъ по отряду послѣдовалъ въ такой силѣ: „есть когда-де кто осмѣлится что украсть изъ казеннаго интереса, къ примѣру, сухарь ли, горсть ли овса, полѣно ли дровъ, того къ разстрѣлу!“ Легко сказать: „къ разстрѣлу!“ За горсть овса къ разстрѣлу, а? Да какъ ты его не украдешь? Сказано: въ сутки отпускали на лошадь только полтора гарнца, больше ничего; сѣна небыло ни клока. Замѣсто сѣна лошадка пробивалась тѣмъ, что Богъ пошлетъ ей изъ-подъ снѣга; а вѣдь это, сударь мой, скудиѣе скуднаго: вѣдь съ этакого корма лошадь ноги протянетъ. Сначала мы, кошомное войско, пре-

достерегались, то-ись, приказу послушались, а потомъ видимъ—дѣло плохо: безъ воровства не обойдешься. Разсудили мы такъ: есть когда украдешь, разстрѣляютъ тебя—скверно, что и толковать! Есть когда не украдешь, лошадь отощаетъ, издохнетъ—опять скверно: останешься пѣшъ, словно карга съ подрѣзанными крыльями: выйдетъ безъ смерти смерть, безъ разстрѣла разстрѣлъ; одно слово, какъ не кинь, все выходитъ клинъ. Что въ такомъ случаѣ дѣлать? Рѣшились жить воровствомъ. Сначала положили воровать только одинъ овесъ, гдѣ представится случай, а послѣ и до всего добрались: все на пользу, все на потребу. А воровали какъ? Слушай. Къ примѣру, приставленъ я къ ниткѣ, что съ овсомъ. Хорошо! Вдругъ упадетъ, верблюды—это мнѣ и на руку. Другой кто, примѣрно, киргизъ, бросится къ верблюду, осматриваетъ, не ушибся ли; а я кидаюсь къ кулю съ овсомъ, смотрю, не лопнулъ ли. Если лопнулъ, то, значитъ, дѣло въ шляпѣ; а если не лопнулъ, то, значитъ, какъ-нибудь изловчусь, чтобы никто не видалъ, да дерну куль ножемъ по боку, а самъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сейчасъ явлюсь къ дежурному и говорю: такъ и такъ, ваше благородіе, верблюды упали, куль съ овсомъ лопнулъ. „А! скверно“, скажетъ дежурный и прибавитъ: „однако, сейчасъ же пересыпать въ другой куль! Мнѣ это-то и нужно. „Слушаю!“ скажешь да тое-же минутой и подашь товарищамъ, кто по близности, маякъ; а тѣ знаютъ, въ чемъ дѣло, и въ одинъ мигъ, словно орлики, слетаются къ тебѣ, якобы помогать. Хороши помощники!—замѣтилъ рассказчикъ и улыбнулся.—Хорошо. Сейчасъ хламида съ себя долой и примемся изъ худого куля пересыпать овесъ въ крѣпкій; въ рукахъ у насъ такъ и кипить! Дежурный смотритъ и похваливаетъ: „Ай же, уральцы молодцы! Не заставляешь, сами являются на работу“. „Рады стараться!“ говоримъ, а сами проворимъ. У каждаго изъ насъ въ шароварахъ есть карманы фальшивые, то-ись карманы безъ дна. Понимаешь, для чего? Горсточку по горсточкѣ и посовываешь въ бездонный карманъ овсеца-то, а овсецо, родимое, проваливается

внизъ за голенища да вокругъ ноги обсыпается, а около кармановъ тощо, ничего не замѣтно. Еслибы какъ и заподозрили и вздумали обыскивать, не скоро догадаются, не скоро найдутъ, важнецъ!—Старикъ съ самодовольствіемъ улыбнулся.—Такимъ манеромъ и поживались мы овсцомъ, да не однимъ овсцомъ поживались,—продолжалъ старикъ:—всѣмъ поживались, все къ рукамъ подбирали, что могли; къ примѣру, и сухарики, вѣдь и ихъ лошадка кушаетъ, и рубленую говядину, вѣдь и самимъ съѣсть послаще не мѣшаетъ, и сальце, и полѣно дровъ, и старый овсяной кулечекъ; одно слово, ничему не давали спуска, что шло на какую-нибудь потребу.

— Зачѣмъ же вамъ нуженъ былъ овсяный куль?—спросилъ я старика.

— Какъ зачѣмъ—возразилъ старикъ:—Чудной ты человекъ! Вѣдь и рогожа-то горитъ, значить, тѣ же дрова,—пояснилъ старикъ и потомъ продолжалъ:

— Сначала начальству было невдомекъ, чѣмъ кошомное войско пробавлялось, а потомъ обозначилось. Наше начальство, то-ись, казачье, съ перваго же раза все видѣло, да, знамо дѣло, яко бы и не видало—сортъ!!! Солдатское же начальство какъ узнало, возроптало, осердилось, что уральцы всѣхъ обдуваютъ. Дознался объ этомъ и самъ Перовскій, однако, промолчалъ, яко бы не знаетъ. Это нашему брату и на руку. Взяли мы послѣ того большую волю: стали воровать овесъ изъ-подъ часовъ цѣлыми кулями. Разъ пресмѣшная, сударь мой, вышла исторія: куль овса въ глазахъ часового убѣжалъ къ намъ въ джуламейку.—Старикъ расхохотался.

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— А вотъ какъ!—отвѣчалъ старикъ: джуламейка наша стояла близко къ одному бунту, такъ какихъ-нибудь въ саженьяхъ десяти. Хорошо. Былъ въ ту ночь буранъ. Двое ловкихъ казака вышли изъ джуламейки и подошли къ часовому, а онъ, бѣдняжка, чуть живъ; радъ, что люди къ нему подошли: хоть есть съ кѣмъ слово сказать, есть кому пожа-

ловаться на судьбу. Одинъ изъ казаковъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ—утѣшаетъ его, убажаетъ, а другой тѣмъ временемъ привязалъ къ крайнему кулю за лузгъ веревку, да и пошелъ опять въ джуламейку, а веревку незамѣтно протянулъ по землѣ. Такимъ манеромъ одинъ конецъ веревки къ кулю привязанъ, а другой очутился у казаковъ въ джуламейкѣ. Хорошо. Прошло сколько-то времени, и другой казакъ ушелъ въ джуламейку. Часовой остался одинъ и сталъ расхаживать; и лишь только часовой обернулся задомъ къ джуламейкѣ и пошелъ на другой конецъ бунта, наши потащили веревку и покалябили куль съ себѣ. Сортъ! Часовой обернулся и видитъ чудо: куль съ овсомъ самъ собой ползетъ въ казачью джуламейку. Часовой хочетъ бѣжать и остановить куль, да не смѣетъ: военный артикулъ не позволяетъ оставлять часы. Покуда часовой соображалъ, что дѣлать, куль съ овсомъ тѣмъ временемъ скрылся въ казачей джуламейкѣ. Часовой сталъ кричать: „караулъ“!—И грѣхъ, и смѣхъ! Прибѣжалъ ефреторъ, да не скоро. Покуда часовой рассказывалъ ефретору, въ чемъ дѣло; покуда ефреторъ сходилъ доложить дежурному; покуда сообразили, въ чемъ дѣло; покуда собрались идти къ намъ съ обыскомъ,—тѣмъ временемъ мы овсецо раздували, по горсточкамъ разбирали, по торбамъ разсыпали да лошадушкамъ роздали, а тѣ въ одинъ мигъ скушали; куль сожгли, буранъ и слѣдъ замелъ. И вышли мы чистехоньки; этого мало: еще въ амбицію вломились; жалуемся, какъ-де смѣли насъ опорочить. А въ другой разъ,—продолжалъ старикъ,—точно такимъ же манеромъ утащили мы у часового будку.

— Какую будку?—спросилъ я.

— То-ись, не настоящую будку,—пояснилъ старикъ, а большой деревянный коробъ изъ-подъ говядины, что служилъ часовымъ замѣсто будки. Вотъ этотъ-то коробъ мы и укалябили у часового такимъ же точно манеромъ, какъ куль съ овсемъ,—укалябили и сожгли; и съ обыскомъ къ намъ не ходили: знали, значить, что ничего не найдутъ,—важнецъ!.. Когда услыхалъ Перовскій, что къ намъ, уральцамъ, изъ-

подъ часовъ бѣгаютъ кули да будки, то до слезъ, говорятъ, смѣялся. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, не смѣяться? Мы-то ужъ, на что проще, сами прокудили, а тоже смѣялись до упаду; какъ же послѣ того Василью Алексѣевичу то не смѣяться? Оченно смѣшно! А еще, сударь мой, у генерала Ц-го коробъ съ французскими сухарями украли, и сошло съ рукъ. То-ись, оно бы, пожалуй, и не сошло, да ловко сдѣлали: сухарики съѣли, а коробъ сожгли. Какъ дознаешься? Не распарывать же намъ брюха! Ц-ій жаловался Ѳедоту Григорьевичу (Бизянову), а Ѳедотъ Григорьевичъ отвѣтилъ ему, что за однимъ-де коробомъ нечего гнаться, ваше превосходительство: у меня-де два украли, да и то не взыскиваю; на то-де они—кошомное войско; прошу не протѣиваться. Молодецъ былъ Ѳедотъ Григорычъ—царство ему небесное!—прибавилъ старикъ:—всѣ наши обстоятельства зналъ, лелѣялъ и берегъ насъ, какъ дѣтей... Есть-когда тебѣ рассказывать все, что мы прокудили, то долго не перескажешь; одно скажу: мы, кошомное войско, не взирали на приказъ къ разстрѣлу, и хорошо поступали. Первымъ долгомъ себя и лошадушекъ своихъ сберегли, а вторымъ долгомъ что мы не своровали, не потребили, то все пришлось бросать въ степи, и бросили. Вотъ ты и разсуди теперь, хорошо или худо мы дѣлали. Подъ конецъ похода, когда верблюды стали валиться не десятками, а сотнями; когда, значить, не на чемъ было поднимать и везти провизію, подъ конецъ, говорю, дозволено было брать всякому, кто чего и сколько захочетъ, да ужъ та бѣда—некому было брать: все больные, хворые да мерзлые. Однимъ только намъ была лафа: катались, словно сыръ въ маслѣ. Что, резонъ я говорю?—спросилъ меня старикъ, положивъ руку мнѣ на плечо.

Я кивнулъ головой и спросилъ:

— Ну, что еще тамъ у васъ было?

— Да ничего особеннаго: воротились назадъ,—сказалъ старикъ и, немного погодя, прибавилъ:—значить, не всеу сказалъ Яковъ Михайловичъ Тарасовъ: пойдемъ и не дойдемъ; ужъ такая проклятая страна эта Хива, что бы ей ни

дна, ни крышишки!—Старикъ съ досадою плюнулъ, потомъ заговорилъ:

— На половинѣ пути, близъ Усть-Урта, простояли сколько-то дней въ раздумѣ—идти впередъ или вернуться. Идти мало: на половину, чай, перемерзли, а которые остались впередъ—боязно: не на чемъ провіантъ везти, да и людей вживѣ, тѣ, кромѣ насъ, уральцевъ, почти всѣ были больны. Вернуться—стыдно: орду насмѣшишь. Долго, говорятъ, Василій Алексѣевичъ былъ въ раздумѣ; напоследокъ послалъ Ѳедота Григорьевича Бизянова съ сотней казаковъ на Усть-Уртъ провѣдать, какова дорога, можно ли идти, и нѣтъ ли гдѣ непріятеля. Черезъ нѣсколько дней Ѳедотъ Григорычъ вернулся. Что же? Да все то же, батенька! Непріятеля, положимъ, нигдѣ нѣтъ, за то снѣга все тѣ же, по брюхо лошади.—Тогда ужъ Перовскій рѣшился воротиться, и воротился. Ложь ли, правда ли, говорили: Перовскій яко бы не хотѣлъ ворочаться, а хотѣлъ, во что бы то ни стало, идти впередъ, да Ц—ій разговорилъ. Онъ, то-ись Ц—ій, въ тотъ разъ получилъ письмо изъ дома, а въ письмѣ яко бы ему писали, что въ Хивѣ-де ждетъ его и Василю Алексѣича люта-я казнь. Ц—кій яко бы струсилъ и застращалъ Василю Алексѣича.

— Что такое? Я не понимаю.

— Сразу и не поймешь; надо, значить, рассказать до конца. Слушай.—И старикъ началъ:— У Ц—го былъ денщикъ изъ солдатъ, долго у него служилъ; но передъ тѣмъ, какъ быть походу подъ Хиву, денщикъ этотъ ушелъ въ домовый отпускъ, куда-то въ удаленную губернію, и тамъ пропасть. Ц—ій пошелъ въ походъ съ другимъ денщикомъ. Хорошо. Когда Ц—ій былъ въ походѣ, въ то время пришелъ къ нему въ домъ старый денщикъ. Барыня, то-ись жена Ц-го, тотчасъ же и пристала къ денщику, чтобы онъ погадалъ о судьбѣ барина, то-ись Ц-го, и всѣхъ сущихъ съ нимъ; а денщикъ, надо тебѣ сказать, былъ ужаснѣющій дока насчетъ этихъ дѣлъ: и по картамъ, и по бобамъ узнавалъ, главное—по водѣ узнавалъ все, что съ человѣкомъ будетъ. Денщикъ

сталъ гадать на картахъ—выходить скверное; сталъ гадать на бобахъ—скверно же; гадать на водѣ—еще сквернѣе. Велѣлъ самой барынѣ взглянуть на воду. Барыня взглянула черезъ плечо денщика въ чашку съ водой и ахнула: и Ц—ій, и Перовскій, и всѣ большіе господа, что въ походѣ съ Перовскимъ были, всѣ они представились ей въ водѣ безъ головъ; а головы ихъ особо торчатъ на кольяхъ. Вотъ она какая притча-то! Лишь только жена Ц—го отудобѣла, тотчасъ же написала мужу письмо, объяснила ему все: такъ-де и такъ, любезный супругъ, Григорій-де (денщика Григорьемъ звали,—пояснилъ старикъ) вернулся къ намъ и вотъ-де что узнать: сама-де я своими глазами видѣла и тебя, и всѣхъ васъ безъ головъ; вернись-де, другъ любезный, домой. лучше будетъ; наплой-де на Хиву... Написала, говорю, жена Ц—го письмо и отправила его къ мужу съ нарочнымъ, съ киргизомъ; письмо-то и попало какъ разъ въ точку. Что, не вѣришь?—обратился ко мнѣ старикъ, замѣтивъ, вѣроятно, на лицѣ моемъ невольную улыбку. Пожалуй, не вѣрь,—заговорилъ старикъ.—Ц—ій енераль былъ, да вѣрилъ. Онъ зналъ своего денщика хорошо, что тотъ дока былъ. Однако такъ ли, саякъ ли, оттого ли, не оттого ли, вернулись, батенька, назадъ.

Старикъ на минуту остановился и потомъ продолжалъ:—И былъ же обратный походъ горше передняго! Покуда шли впередъ, по крайности, надежду питали, что не нынѣ—завтра выйдемъ изъ снѣговъ, встрѣтимъ хивинцевъ и съ ними сразимся; а какъ пошли назадъ, совсѣмъ другое.—Старикъ махнулъ рукой.—Идучи впередъ,—продолжалъ старикъ,—все пѣсни распѣвали, особенно одну, что на этотъ случай нарочно сложили, а сложили кто-то изъ господъ, что при Перовскомъ были; часто эту пѣсню распѣвали. Хочешь, я пропою ее?“

— Сдѣлай одолженіе! очень радъ,—сказалъ я.

Старикъ прокашлялся и запѣлъ:

„Славно, братцы, пришло время:

Мы идемъ всѣ на Хиву.

Истребимъ хивинско племя,
Наживемъ себѣ хвалу.
Черезъ Эмбу перейдемъ,
Ко Усть-Урту подойдемъ.
Тамъ мы спустимся подъ горы,
Гдѣ живутъ хивинцы-воры.
Намъ всего даютъ довольно,
И одѣты мы тепло.
Мы морозовъ не боимся,
Намъ бураны нипочемъ;
Джибаги прокляты сбросимъ;
Скинемъ теплы сапоги;
Шапки теплыя доносимъ,
Будемъ бравы молодцы,
Мы съ колоннами сойдемся,
Винну порцію заьемъ;
Винну порцію заьемъ,
Закричимъ мы вразъ „ура“!
Тутъ погибнетъ вся Хива.
Мы избавимъ изъ неволи
Своихъ братьевъ-земляковъ;
Расколотимъ въ иху долю
Всѣхъ хивинцевъ-подлецовъ“ *).

— Вотъ какъ мы расхрабрились,—сказалъ старикъ, кончивъ пѣсню.—Зато, путешествуя назадъ, никто и не заи-

*) Припѣвка къ этой пѣснѣ, не встрѣчающаяся въ разсказѣ Барсукова:

„Мы уральскіе казаки,
Идемъ съ радостью въ походъ.
Генераль съ нами Перовскій—
Никакихъ намъ нѣтъ заботъ:
Онъ казачью службу знаетъ,
Не оставитъ насъ ни въ чемъ;
Провіантомъ насъ провадитъ,
Фуражемъ насъ наградитъ.
Мы муніціей исправны,
Всѣмъ нарядомъ снабжены.
У насъ шашки, пики востры;
Только быть намъ вооруженымъ,
Какъ мы словно на ученьѣ
Разъѣзжаемъ всегда встрой;

кался про эту пѣсню; заказано было: стыдно-де... Что правда, то правда! Досадно, братецъ мой, что мы подлецовъ-хивинцевъ и въ глазъ не видали. Только одному капитану Ерофѣеву съ одной ротой солдатъ посчастливилось отличиться. Онъ, этотъ капитанъ, провожалъ больныхъ изъ отряда въ Чушкакульское укрѣпленіе и столкнулся съ хивинцами, по ружейной пальбой и барабаннымъ боемъ разогналъ ихъ, словно стаю воронъ. Тутъ особенно отличился барабанщикъ. Какъ только ватага хивинцевъ приударить на отрядъ Ерофѣева, такъ барабанщикъ и выскочить съ барабаномъ впередъ и трахъ! трахъ! трахъ! Хивинскіе кони всѣ въ разсыпную. Барабаннику дали егорьевскій крестъ, и за дѣло: молодецъ!

Въ обратный путь, помню, мы поднялись въ первыхъ числахъ февраля, а въ мартѣ пришли на Темиръ-рѣку; тутъ отдыхали и ждали весны. За недѣлю до Благовѣщенья, помню, въ первый разъ увидали въ отрядѣ дикихъ гусей. И радость же въ отрядѣ была великая:—„весна! весна!“—говоримъ мы другъ другу и крестимся: морозы то ужъ больно намъ надоѣли. Съ Темира, когда ужъ снѣгъ сошелъ, стали отрядами расходиться на линію. Съ больными было много возни. Зимой бѣдняжки отъ мороза гибли, а весной отъ цынги: заѣла она неладная, солдатиковъ. Есть когда не ошибаюсь, больше половины солдатиковъ пропало, а насъ, уральцевъ, Богъ миловалъ: изъ двухъ полковъ развѣ-развѣ съ десятокъ казаковъ не узрѣли родимой стороны; остальные всѣ вышли здоровы и невредимы; благодареніе Господу Богу!

Старикъ съ благоговѣніемъ перекрестился.

Командуемъ всѣмъ въ страженѣ,
Мы идемъ въ кровавый бой,
Вотъ намъ драться не учиться,
Мы бывали на войнахъ;
Лишь бы дали намъ сразиться,
Расчирхаемъ всѣхъ ихъ впрахъ—
И потомъ мы возвратимся
Во Уральскій городокъ“.

— Конецъ? — спросилъ я рассказчика.

— Нѣтъ, не конецъ! — отвѣтилъ онъ: — то-ись хивинскому-то походу, пожалуй, конецъ,—прибавилъ старикъ;—но мы то, уральцы, не всѣ развязались: человекъ насъ триста, съ Ѳедотомъ Григорьевичемъ, послали въ новый походъ на Эмбу, къ морю, наказывать, то-ись, по-нашему. **ВЫКАЛЫВАТЬ** адайцевъ.

— За что же?

— За дѣло: — знай край, да не падай, то-ись бѣлаго царя почитай, указовъ его слушайся!

— Чтожъ адайцы сдѣлали?

— Вотъ что, слушай.

И старикъ началъ: „Для похода Перовскій собиралъ верблюдовъ съ киргизовъ; всякій родъ и поставлялъ столько-то верблюдовъ, адайскій родъ не далъ ни одного верблюда. Этого мало, что не далъ верблюдовъ; нѣтъ, онъ еще пакость сдѣлалъ: чиновника, который ѣздилъ по ордѣ и собиралъ верблюдовъ, адайцы связали и въ Хиву къ хану отправили; выходитъ, измѣну подлецы сдѣлали. Предъ походомъ было не до нихъ, а послѣ похода Василий Алексѣичъ и вспомнилъ про нихъ и съ Темира-рѣки, какъ я ужъ сказалъ тебѣ, послалъ изъ насъ 300 человекъ съ Ѳедотомъ Григорьевичемъ наказывать адайцевъ. Помню, въ самомъ началѣ мая мѣсяца, мы сослѣдили адайцевъ близъ устья Эмбы, при урочищѣ Крынь-Узень; сослѣдили, говорю, адайцевъ и задали имъ такого трезвона, что до сихъ поръ не забыть: человекъ, думаю, съ 400, есть когда не больше, мы порѣшили адайцевъ: насчетъ этого мы, признаться, молодцы — только заставъ. Въ такихъ случаяхъ всегда отдають такой приказъ, чтобы колоть только однихъ взрослыхъ мужчинъ, а женъ да дѣтей не трогать; но гдѣ тутъ соблюсти нашему брату приказъ? Лиха бѣда войти въ азартъ, а какъ войдешь въ азартъ, такъ шабашъ! пойдешь, значитъ, направо и налево, только крѣпись орда; никто, значитъ, не подвертывайся. Старикъ махнулъ рукой. Мы же въ тотъ разъ, признаться, были злые-презлые — замѣтилъ ста-

рикъ: первымъ дѣломъ, хивинскій походъ не удался; вторымъ дѣломъ, то, что мы съ Темира, какъ прочіе, надѣялись домой идти, а насъ вдругъ погнали въ новый походъ. Вотъ по этой больше причинѣ мы и удружили адайцамъ, то-ись какъ должно внушили имъ, чтобы на будущее время бѣлаго царя читили и указовъ его слушались. Когда-нибудь на досугѣ я расскажу тебѣ обстоятельно о такихъ дѣлахъ, какъ нашъ братъ наказываетъ, то-ись выкалываетъ киргизовъ: любопытная, батенька, вещь, а теперь пора и забастовать; знаешь поговорку: хорошененькаго помаленьку!“

Старикъ всталъ и раскланялся съ мной.

Нѣсколько словъ отъ автора.

Походъ или, правильнѣе, гибель князя Бековича-Черкаскаго слабо сохранилась въ памяти народа; по крайней мѣрѣ, мнѣ не довелось подслушать у казаковъ болѣе того, что передано въ первой главѣ. Причина понятная: во-первыхъ, это было почти полтора ста лѣтъ тому назадъ; а во-вторыхъ, событіе это не захватывало коренной или, иначе сказать, жизненной стороны народнаго быта и потому пронеслось надъ народомъ безслѣдно, какъ обыкновенная невзгода, вродѣ, напримѣръ, пожара, мороваго повѣтрія и т. п.; однимъ словомъ, это событіе — не болѣе, не менѣе, какъ случайность войны. Подобныхъ случайностей въ жизни яицкихъ казаковъ, конечно, было не мало и прежде, и послѣ несчастнаго похода Бековича; разница только та, что въ одно время погибло казаковъ больше, въ другое меньше. И оттого народъ помнить только одно: „пошли-де наши праотцы съ Бекичемъ въ Хиву и погибли“. Впрочемъ, историческихъ фактовъ отъ народныхъ сказаній, спустя полтора ста лѣтъ послѣ событія и ожидать нельзя; объ этомъ и говорить нечего.

Что же касается сказочной и легендарной стороны пре-

даній, то, извѣстно, народная фантазія очень изобрѣтательна, а память народа насчетъ этого очень впечатлительна, и все, что изъ сказочнаго западаетъ въ память народа, — все это долго живетъ въ народѣ. Такъ, напримѣръ, составивъ себѣ когда-то понятіе о Хивѣ, какъ о странѣ заклѣтой, вродѣ заклѣтаго клада, казаки повѣрье это перенесли и на позднѣйшее предпріятіе противу Хивы, именно на экспедицію Перовскаго. Въ этомъ отношеніи, разницы у казаковъ между взглядомъ на походъ Бековича и взглядомъ на походъ Перовскаго, какъ читатели видѣли, почти никакой нѣтъ. Даже разсказъ старика о походѣ Перовскаго наполненъ сказками и легендами больше, нежели разсказъ о походѣ Бековича. — Если чѣмъ и отличается разсказъ о походѣ Перовскаго отъ разсказа о походѣ Бековича — это тѣмъ, что въ разсказѣ о походѣ Перовскаго много дѣйствительнаго, фактическаго. Правда, все дѣйствительное, фактическое перемѣшано съ сказочнымъ и легендарнымъ; но я не вижу надобности проводить грани, гдѣ начинается и кончается сказка, и гдѣ начинается и кончается фактъ: во-первыхъ это, по моему мнѣнію, отчасти обозначается само собой; во-вторыхъ, любознательные читатели могутъ сличить разсказъ старика-казака съ статьей неизвѣстнаго автора о хивинскомъ походѣ, напечатанной въ „Библіотекѣ для Чтенія“ за 1859 г., № 10,—статьей, извлеченной, по всему видно, изъ оффиціальныхъ бумагъ. Считаю нужнымъ заявить только вотъ что: я пишу не историческія замѣтки, а сказанія народные, и потому, если гдѣ и окажется какой фактъ, нѣсколько расходящійся съ оффиціальными бумагами и разными отчетами и реляціями, то да не забудутъ читатели, что тутъ выразился взглядъ народа—ничей.

169
138

УРАЛЬЦЫ.

ОЧЕРКИ БЫТА
УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Юасафа Игнатьевича **ЖЕЛЪЗНОВА.**

ТОМЪ II.

ИЗДАШЕ 3-е, ПОСМЕРТНОЕ,
съ дополненіями и включеніемъ всѣхъ неизданныхъ статей,
подъ редакціей Н. А. Бородина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1910.

Киргизоманія.

Старинный нашъ знакомый, — не по личнымъ сношеніямъ, а по литературѣ, — г. Павелъ Небольсинъ, недавно выступилъ (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ № 17, въ статьѣ „Путешествующіе Киргизы“) съ теплымъ и задушевымъ словомъ о киргизахъ. Въ коротенькой статейкѣ онъ наговорилъ кучу любезностей нашимъ степнякамъ, посѣщавшимъ въ прошломъ августѣ Петербургъ. Дѣло похвальное. Отчего же, въ самомъ дѣлѣ, и не заявить публикѣ о личностяхъ симпатичныхъ, достойныхъ уваженія и сочувствія по своимъ нравственнымъ качествамъ, о личностяхъ, „готовыхъ на откликъ всему благородному, честному, прямодушному“, и т. д.? Все это прекрасно, все это дѣлаетъ честь г. Небольсину, а, пожалуй, и всей Россіи, потому что изъ теплаго и задушевнаго слова степнякамъ, — послѣдніе, если и не знаютъ въ совершенствѣ, то будутъ, по крайней мѣрѣ, предощущать „благоденствіе и силу Россіи“, а главное, „торжество науки надъ матерьяльною природой“ и т. д. Все это; повторимъ, прекрасно. Но... „зачѣмъ же стулья-то ломать?“ Мы хотимъ сказать: г. Небольсинъ, восхваляя киргизовъ, прокатился на-счетъ уральскихъ казаковъ! Вотъ, это, по нашему, далеко не прекрасно. Уральскій казакъ и русскій человѣкъ, напримѣръ, купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ и т. п. живутъ одинаковою жизнью, духовною и нравственною: обычаи, нравы, взглядъ на вещи одинаковы, какъ у казака, такъ и у русскаго! Слѣдовательно, упрекъ, — о которомъ будетъ

сказано ниже, — сдѣланный авторомъ „Путешествующихъ Киргизовъ“ уральскимъ казакамъ, одинаково относится и ко всѣмъ русскимъ. Увы! патріотизмъ г. Небольсина и его горячее увлеченіе воспыть похвальное слово киргизамъ и выказать передъ ними „благоденствіе и силу Россіи“ повергли послѣднюю въ стыдъ и срамоту! Что подумаетъ о Россіи Европа, прочитавъ „Путешествующихъ Киргизовъ“ г. Небольсина? Что скажетъ Азія вообще и блистательная Порты въ особенности? А сирійскія дѣла, чего добраго, примутъ исходъ неблагопріятный для христіанъ и выгодный для мухамеданъ!... Что... Однако, остановимся. Мы слишкомъ бы далеко зашли, если бы стали перечислять всѣ непріятности и огорченія, ожидавшія Россію отъ выходки красно-рѣчиваго и восторженнаго панегириста киргизовъ. Приступимъ прямо къ дѣлу.

Исчисляя добродѣтели и благотворительные подвиги одного изъ киргизовъ, г. Исенбаева, г. Небольсинъ говоритъ: „Полагаю нелишнимъ прибавить еще одну черту о г. Исенбаевѣ. Сосѣди киргизовъ уральскіе казаки *) не христіански, не гуманно смотрятъ вообще на мухамеданъ, а на киргизовъ въ особенности **). Притѣснить, опозорить, облаять,

*) Сосѣди киргизовъ, замѣтимъ, съ нашей стороны, не одни уральскіе казаки, а и пограничные жители западной Сибири, пограничные жители Оренбургской губерніи, живущіе по рѣкѣ Уралу и Илеку, выше уральскихъ казаковъ; наконецъ, все русское населеніе за лѣвымъ берегомъ Волги, примѣрно отъ Саратова до Астрахани и въ томъ числѣ и ѣмцы-колонисты! Численность уральскихъ казаковъ къ численности остальныхъ русскихъ, живущихъ по сосѣдству съ киргизами, относится, какъ, напримѣръ, одна капля къ полному стакану воды.

**) Желательно бы знать, какъ смотритъ на киргизовъ и другихъ поклонниковъ Мухамеда, напримѣръ, на башкиръ, остальное, кромѣ уральскихъ казаковъ, русское населеніе, живущее по сосѣдству съ мухамеданами и часто претерпѣвающее огромные убытки, а въ иную пору и совершенныя разоренія отъ ихъ хищничества, конокрадства и тому подобныхъ доблестей. Положимъ, это частность. Но поговорка: „не во-время гость хуже татарина“, и теперь, еще въ ходу у всего русскаго народа; пехристы, поганъ и тому подобное суть слова, до днесь русскими употребляемыя въ

обмануть киргиза ни почему. Уралецъ изстари смотрѣлъ на киргиза, какъ на предметъ, которымъ можно всячески поживиться; человѣческихъ правъ его уралецъ никогда не признавалъ; время, конечно, взяло свое, но уральцы, какъ закоренѣлые до послѣднихъ годовъ раскольники, были не очень воспріимчивы къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія. Въ общественной жизни они мало подвигались впередъ и благотворнаго вліянія на развитіе благосостоянія своихъ сосѣдей-киргизовъ ничѣмъ оказать не могли; до сихъ поръ они болѣе враждебно, чѣмъ братски, смотрятъ на этихъ своихъ согражданъ. Для того, чтобы этому, изстари враждующему съ киргизами населенію дать средства завести школы для образованія своихъ христіанскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ въ нынѣшнемъ году принесъ въ даръ войсковой ихъ казнѣ тысячу рублей *).

Въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ заключается двоякаго рода смыслъ: первый, что уральскіе казаки, какъ народъ отсталый не согрѣтый лучами западнаго — и юго-восточнаго или сѣвернаго, мы не знаемъ — просвѣщенія, не могли оказать благотворнаго вліянія на киргизовъ. Объ этомъ мы скажемъ слова два послѣ. Второй же и самый существенный смыслъ этихъ словъ слѣдующій: казаки христіане обижаютъ киргизовъ-мухамеданъ, а мухамедане за зло платятъ добромъ, приносятъ въ даръ деньги на пользу христіанскихъ дѣтей!

Сказанное г. Небольсинымъ можетъ быть сносно въ устахъ киргиза, которому бы вздумалось поднять голосъ въ защиту своего племени, но въ устахъ русскаго, человѣка образованнаго, сказанное г. Небольсинымъ отзывается край-

смыслъ словъ бранныхъ и унижительныхъ. Такова сила исторіи! Слѣдовательно, дѣлать укоръ однимъ уральскимъ казакамъ за неблагоприятный взглядъ ихъ на киргизовъ—довольно несправедливо.

*) „Русскій Вѣстникъ“, № 17, „Совр. Лѣт.“, стр. 45.

ней натяжкой, парадоксомъ, пустымъ фразерствомъ, жалкимъ желаніемъ сдѣлать упрекъ казакамъ, упрекъ, нисколько незаслуженный ими, короче, слова г. Небольсина въ высшей степени пахнутъ киргизоманіей.

На это мы представимъ, такъ сказать, осязательныя доказательства въ своемъ мѣстѣ, а теперь займемся благотворительностію г. Исенбаева, которою г. Небольсинъ колетъ глаза уральцамъ.

Всякое даяніе благо. Безспорно, всякая благотворительность достойна похвалы, а благотворительность киргиза на пользу христіанъ достойна еще большей похвалы. Она во всякомъ случаѣ стоитъ того, чтобы заявить о ней міру печатно; но заявляя о ней міру, къ чему примѣшивать тутъ разсужденія и замѣчанія, которыя не только не возвышаютъ цѣны добраго дѣла, но, напротивъ, извращаютъ дѣло, само по себѣ чистое и доброе? Къ чему, говоря о благотворительности киргиза, сопоставлять ей враждебность населенія, въ пользу котораго принесенъ даръ? Мы такого убѣжденія, что лишнія разглагольствія о благотворительныхъ подвигахъ не поставятъ ихъ выше того, чего они сами по себѣ стоятъ. Напротивъ, нужно опасаться, какъ бы не выискались такіе скептики, которые могутъ не сойтись во взглядахъ съ г. Небольсинымъ, какъ съ восторженнымъ панегиристомъ, которые могутъ заподозрить чистоту побужденій благотворителя, которые могутъ, чего добраго, подумать, что благотвореніе и сдѣлано-то именно съ тою цѣлью, чтобы при случаѣ было чѣмъ попрекнуть русскихъ, или имѣть основательную причину получить, напримѣръ, золотую медаль! Жаль, что г. Небольсину, какъ слишкомъ усердному панегиристу, не пришла на умъ такая простая мысль, когда онъ писалъ свою похвальную оду.

Мы, съ своей стороны, нисколько не сомнѣваемся въ чистотѣ побужденій киргиза, принесшаго даръ войсковой казачьей казнѣ и не думаемъ умалять цѣны его филантропическаго подвига, но за всѣмъ тѣмъ не можемъ не заявить нашего мнѣнія, что какъ бы ни были чисты побу-

жденія киргиза, принеснаго казнѣ даръ, уральскіе казаки не должны изъ-за его дара нести упрекъ, какой сдѣлалъ имъ г. Небольсинъ. Еслибъ уральскіе казаки, въ отношеніи къ этому дару остались въ совершенномъ невѣдѣніи, то и въ такомъ случаѣ совѣсть ихъ никакого угрызенія не испытаетъ, и не потому, что они, какъ говоритъ г. Небольсинъ, закоренѣлые раскольники, не очень воспріимчивые къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія, а потому, что даръ этотъ сдѣланъ безъ ихъ вѣдома, — подѣ словомъ: ихъ, мы разумѣемъ народъ, — помимо ихъ воли и желанія, короче: даръ этотъ принесенъ не непосредственно имъ, а казнѣ, находящейся въ завѣдываніи администраціи! Итакъ, пустое фразерство г. Небольсина: „Для того, чтобъ этому изстари враждующему съ киргизами населенію дать средства завести школы для образованія своихъ христіанскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ принесъ въ даръ войсковой ихъ казнѣ тысячу рублей“ — да мимо идетъ уральскихъ казаковъ! Пускай утѣшается имъ авторъ „Путешествующихъ Киргизовъ“ и его protégé.

Кстати о казнѣ. Уральскіе казаки, что касается до ихъ казны, не нищіе: у казаковъ уральскихъ есть довольно порядочный капиталъ (болѣе милліона руб. сер.), скопленный въ недавнихъ годахъ отъ казачьихъ трудовъ. Капиталъ этотъ каждый годъ нарастаетъ и процентами, и новыми доходами. На этотъ капиталъ, безъ всякихъ стороннихъ, а тѣмъ болѣе киргизскихъ пожертвованій, можно завести и содержать не только нѣсколько школъ, но и гимназію, — при народонаселеніи въ 60 — 70 тысячъ. — Но расходованіе этого капитала зависитъ не отъ казаковъ, а отъ администраціи. Справедливъ ли упрекъ, направленный противъ уральцевъ краснорѣчивымъ авторомъ „Путешествующихъ Киргизовъ“?

Вотъ что еще.

Уральскіе казаки, хотя и „закоренѣлые раскольники“, немало, въ свою очередь, жертвуютъ денегъ не только на заведеніе и поддержаніе школъ для своихъ дѣтей, но и на

памятники нѣкоторымъ русскимъ лицамъ. Правда, мы не слыхали, чтобы уральскій казакъ или другой кто изъ русскихъ самъ по себѣ принесъ въ даръ деньги на заведеніе татарскаго „медресе“; этой добродѣтели, положительно можно сказать, нѣтъ и быть не можетъ за русскими. И тому есть причина натуральная: Русскіе живутъ подъ державой государя христіанскаго. Русскіе не знаютъ ни пашей, ни кадіевъ, ни муфтіевъ и т. п., а знаютъ губернаторовъ, атамановъ, архіереевъ и т. п. А будь наоборотъ, напримѣръ, управляй уральскими казаками не Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ, свиты русскаго Императора генералъ, а какой-нибудь паша Блистательной Порты, въ родѣ, напримѣръ, Ахметъ-аги, не давно разстрѣяннаго въ Дамаскѣ за гуманное обращеніе съ христіанами, тогда, можетъ статься, и уральскій казакъ принесъ бы что-нибудь по силѣ-мощи въ даръ мусульманскому медресе, тогда, можетъ статься, и г. Исенбаеву, хотя онъ „на видѣ и чрезвычайно добрый“, едва ли бы пришла въ голову такая благая мысль — нести казнѣ въ даръ деньги для христіанскихъ школъ! Ну, какъ бы г. Небольсину не понять такой простой вещи? Все киргизоманія виновата.

Вотъ что еще.

Между христіанскимъ населеніемъ въ уральскомъ казачьемъ войскѣ есть довольно и мухамеданъ, татаръ и башкирцевъ (первыхъ болѣе 3,000, а послѣднихъ болѣе 5,000 душъ). Татары живутъ частью въ однихъ селеніяхъ съ русскими, а частью въ особыхъ селеніяхъ между русскими. Башкирцы же составляютъ особый сплошной кантонъ или отдѣленіе, примыкающее южными границами къ киргизской Букеевской ордѣ, родинѣ и мѣсту дѣйствій г. Исенбаева. Какъ въ селеніяхъ, гдѣ живутъ казаки-татары, напимѣръ, на Узеняхъ и Чижахъ (эти мѣста близко къ киргизской Букеевской ордѣ, особенно Узени, рядомъ съ ордой), такъ и въ башкирскомъ отдѣленіи въ послѣдніе два-три года, много заведено школъ собственно

для татарчать и башкирять. Здѣсь мы ставимъ точку, а за нею вопросъ: „Не для этихъ ли питомцевъ, своихъ единовѣрцевъ, г. Исенбаевъ принесть казнѣ въ даръ тысячу рублей“? *).

Въ видѣ дополненія коснемся еще лучей западнаго просвѣщенія.

„Уральцы, какъ закоренѣлые до послѣднихъ годовъ раскольники, были не очень воспріимчивы къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія“, сказалъ г. Небольсинъ въ видѣ упрека уральскимъ казакамъ (см. выше выписку изъ панегрики г. Небольсина г. Исенбаеву).

Неодержимые, благодаря Бога, никакою маніей, мы противъ этого не споримъ. Но, кстати, скажемъ вотъ о чемъ: какимъ путемъ лучъ западнаго просвѣщенія можетъ проникнуть къ уральскимъ казакамъ? Уральскіе казаки живутъ на востокѣ, на рубежѣ Россіи съ Азіей, стало быть, не близко отъ запада. Для того, чтобы освѣтить и согрѣть уральскихъ казаковъ, лучъ западнаго просвѣщенія долженъ пройти черезъ всю Россію и совершить свое путешествіе: напримѣръ, отъ Москвы черезъ Владиміръ, Судогду, Муромъ, Арзамасъ, Ардатовъ, Алатырь, Корсунь, Сызрань и другіе города, и черезъ множество деревень и селъ государственныхъ, помѣщичьихъ и разнаго другого наименованія крестьянъ! Видите ли, какой длинный и многотрудный путь лучу западнаго просвѣщенія!... Не скоро проберешься черезъ такую трущобу. Лучи западнаго просвѣщенія не атласъ, не бархатъ и тому подобные предметы роскоши;

*) На этотъ вопросъ мы никакого отвѣта не даемъ; чего положительно не знаемъ, о томъ утвердительно и говорить не можемъ; но покорнѣе просимъ кого-нибудь изъ уральцевъ, живущихъ на Уралѣ и хорошо знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, разъяснить его, насколько возможно. Что, если въ самомъ дѣлѣ г. Исенбаевъ, принося казнѣ даръ, имѣлъ въ виду не христіанскихъ, а мусульманскихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, не однихъ христіанскихъ, но и мусульманскихъ дѣтей вмѣстѣ? Тогда упрекъ, сдѣланный отъ г. Небольсина уральскимъ казакамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ русскимъ, будетъ болѣе чѣмъ неосновательный!

лучи западнаго просвѣщенія нельзя провезти на Уралъ ни на телѣгѣ, ни въ вагонѣ, ни даже на аэростатѣ: они сами собою могутъ проникнуть на Уралъ, въ этотъ уголокъ Россіи, но не прежде, какъ сама Россія ими будетъ согрѣваться. Мы, конечно, не ставимъ въ упоръ Россіи, что она до послѣднихъ годовъ, — выраженіе заимствовано у г. Небольсина, — не очень была воспріимчива къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія; но въ извиненіе уральцевъ не можемъ не сказать, что если въ комнатѣ холодно, то на чердакѣ тепла нечего искать. Какъ человѣку, толкующему о лучахъ западнаго просвѣщенія, г. Небольсину грѣшно этого не знать! Азбука не мудреная, и потому вовсе не слѣдовало бы пускаться въ ненужное краснорѣчіе о явленіи, всѣмъ и каждому извѣстномъ и понятномъ, и ставить уральцамъ въ упрекъ, что они не могли оказать благотворнаго вліянія на развитіе благосостоянія киргизовъ, тѣмъ болѣе не слѣдовало, что сосѣди киргизовъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не одни уральскіе казаки, а и пограничные жители Западной Сибири и проч., и проч. А если ужъ неотвязчивая киргизоманія вынуждаетъ сдѣлать упрекъ за киргизовъ, то приходится сдѣлать его не уральскимъ казакамъ, этой горсти русскихъ, занесенной въ такую даль Россіи, а всей Россіи, потому что ни на комъ другомъ, а на самой Россіи лежитъ призваніе согрѣвать лучами просвѣщенія киргизовъ и иныхъ многихъ инородцевъ, потому что уральскіе казаки сами ждуть этой теплоты отъ Россіи.

Москва,

8 октября 1860 г.

Дополнительная замѣтка къ статьѣ:

„КИРГИЗОМАНІЯ“.

Читатели Русскаго Вѣстника, вѣроятно, помнятъ статью г. Небольсина: „Путешествующіе Киргизы“, напечатанную въ 17 № за прошлый годъ, и, быть можетъ, мое возраженіе

на нее подъ заглавіемъ: „Киргизоманія“, помѣщенное въ 21 №.

Возраженіе съ моей стороны г. Небольсинъ вызвалъ извращеннымъ заявленіемъ о киргизскомъ дарѣ на пользу христіанскихъ школъ, т. е., заявляя о денежномъ пожертвованіи киргизомъ г. Исенбаевымъ, г. Небольсинъ придалъ этому пожертвованію не тотъ смыслъ, который оно въ себѣ заключаетъ, а совсѣмъ другой, какого въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Прежде всего,—и неизвѣстно для чего,—г. Небольсинъ расписалъ уральскихъ казаковъ самыми мрачными красками, выставивъ казаковъ врагами, притѣснителями и гонителями киргизовъ, и потомъ уже выразился такъ: „для того, чтобъ этому изстари враждующему съ киргизами населенію дать средства завести школы для образованія своихъ христіанскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ въ нынѣшнемъ году принесъ въ даръ войсковой ихъ казнѣ тысячу рублей“. Вотъ этотъ-то: „для того и проч.“ и между прочимъ и обратилъ назадъ г. Небольсину, какъ пустое фразерство, лишенное истины и смысла.

Въ возраженіяхъ моихъ (см. Русск. Вѣст. № 21, ст. „Киргизоманія“) я достаточно доказалъ вообще парадоксальность сказаннаго г. Небольсинымъ. Но въ то время, когда я писалъ возраженія, я не имѣлъ въ рукахъ нѣкоторыхъ данныхъ, относящихся до спорнаго вопроса, а потому нѣкоторыя его частности остались неразъясненными. На дняхъ я получилъ съ Урала два документа. Прочитавъ ихъ, я подумалъ: „а ларчикъ просто открывался!“

Первый документъ—это письмо киргиза г. Исенбаева къ атаману, при которомъ онъ подноситъ тысячу рублей, а второй документъ—это представленіе атамана „объ исходатайствованіи киргизу Исенбаеву серебряной медали съ надписью: „за усердіе“...

Документъ о медали оставляю въ сторонѣ, потому что дѣло это—дѣло начальства, а начальство въ правѣ поощрять и награждать всякаго по своему усмотрѣнію, даже вопреки

желанію поощряемыхъ и награждаемыхъ. Но первый документъ, т. е., письмо киргиза г. Исенбаева, я представляю здѣсь слово-въ-слово. Вотъ оно:

„Ваше Превосходительство!... Сохраняя въ благодарной памяти особенныя снисхожденія и милости, какъ оказыванныя сдавна покойному отцу моему, Тархану Исенбаю Ходжабекову, такъ и продолжаемыя нынѣ мнѣ съ прочими братьями моими, со стороны уральскаго войскового начальства, при постоянномъ пребываніи нашемъ на Внутренней Уральской линіи, по производству нами тамъ торговыхъ оборотовъ въ средѣ войскового сословія и по пользованію безпрепятственнымъ всегда допускомъ скота нашего, не въ примѣръ другимъ ордынцамъ на войсковыя земли, хотя за установленный акцизъ; а потому и признавая себя немогущимъ оставаться чуждымъ къ принятію, по возможности, участія въ полезныхъ учрежденіяхъ, вводящихся, особенно въ послѣднее время, къ улучшенію быта этого обязательнаго для насъ сословія, я счелъ долгомъ принести изъ собственнаго достоянія своего, въ пользу учебныхъ заведеній, хотя незначительное пособіе въ тысячу руб. сер., каковыя деньги и осмѣливаюсь представить при семъ къ Вашему Превосходительству съ порокнѣйшею просьбою о неоставленіи осчастливить меня принятіемъ оныхъ въ распоряженіе Ваше и употребленіемъ, куда слѣдуетъ, по собственному усмотрѣнію Вашему. Податель сего Внутренней киргизской орды Тарханскій сынъ Гатаулла Исенбаевъ.—14 марта 1860 г., гор. Уральскъ“.

Послѣ этого я считаю себя въ правѣ предложить г. Небольсину нѣсколько вопросовъ.

Вы, г. Небольсинъ, выставили уральскихъ казаковъ, какъ населеніе, враждующее съ киргизами. А киргизъ, постоянно пребывающій на Внутренней уральской линіи и производящій торгъ въ ордѣ казачьяго сословія, сохраняетъ въ благодарной памяти особенныя снисхожденія и милости со стороны войскового началь-

ства и считаетъ уральцевъ обязательнымъ для себя и для своей семьи сословіемъ! Какъ теперь это примирить съ вашимъ заявленіемъ, что киргизы терпятъ отъ казаковъ обиды и притѣсненія?

Можетъ быть, вы скажете, что это-де частность, т. е. что только-де г. Исенбаевъ сохраняетъ въ благодарной памяти особенныя снисхожденія и милости, и что только-де къ нему и къ братьямъ его казачье сословіе обязательно, а къ другимъ ордынцамъ оно необязательно. Съ этимъ, если вамъ угодно, я пожалуй и соглашусь. Да вѣдь только г. Исенбаевъ и пожертвовалъ деньги въ пользу учебныхъ уральскихъ заведеній! Да вѣдь только изъ-за его пожертвованія вы и взгромозились на ходули и прокричали о враждѣ казаковъ къ киргизамъ и о великодушіи послѣднихъ! Нѣтъ, г. Небольсинъ, такой отзывъ будетъ не въ вашу пользу.

Далѣе. Въ вышеприведенномъ письмѣ г. Исенбаева есть одно многозначительное мѣсто: „и по пользованію безпрепятственнымъ всегда допускомъ скота нашего, не въ примѣръ другимъ ордынцамъ, на войсковыя земли, хотя за установленный акцизъ“... Вотъ въ чемъ должно искать ключа къ разгадкѣ киргизскаго дара, а не въ мнимомъ великодушіи!.. Всему туземному населенію, русскому и киргизскому, хорошо извѣстно, какъ для богачей киргизовъ выгоденъ въ матеріальномъ отношеніи допускъ скота ихъ на казачьи земли. Но дѣло въ томъ, что невозможно удовлетворить потребности всѣхъ богачей киргизовъ, въ противномъ случаѣ привелось бы обречь на голодную смерть казачій скотъ. Исенбаевъ же, имѣющій, по словамъ вашимъ, г. Небольсинъ, однихъ лошадей до трехъ тысячъ, а барановъ до нѣскольکو десятковъ тысячъ, всегда пользовался безпрепятственнымъ допускомъ скота своего на казачьи земли, не въ примѣръ другимъ киргизамъ!.. Позвольте еще спросить васъ, восторженный панегиристъ киргизовъ: есть ли хотя капля смысла въ заявленіи вашемъ о враждѣ казаковъ къ киргизамъ и о ве-

ликодушій послѣднихъ? Не естественнѣе ли смотрѣть на даръ киргиза, какъ на чистую отплату за одолженіе, при томъ еще далеко не полную? Человѣкъ, неодержимый киргизоманіей, такъ и будетъ смотрѣть на это пожертвованіе.

Еще вопросъ, только не вамъ, г. Небольсинъ: если киргизъ, никогда прежде не дававшій денегъ на казачьи школы, пользовался всегда безпрепятственно казачьими угодьями, то теперь, подаривши тысячу рублей, будетъ ли пользоваться? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть никакого затрудненія, по пословицѣ: „ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ“.

Въ заключеніе нелишнимъ считаю прибавить, что лѣтъ пять тому назадъ г. Небольсинъ отзывался объ уральскихъ казакахъ съ большимъ сочувствіемъ, чтобы не сказать, съ пристрастіемъ (см. „Библ. для Чтенія“, 1855 г., № 4—5). Нынче же уральцы изъ-подъ пера г. Небольсина вышли совсѣмъ другими людьми, чуть-чуть не звѣрями, по крайней мѣрѣ, далеко низшими созданіями сравнительно съ киргизами. Что за причина такой разногласицы? Одно изъ трехъ: или уральцы въ теченіе пяти лѣтъ слишкомъ далеко попятились назадъ, или киргизы слишкомъ далеко шагнули впередъ, или г. Небольсинъ, не имѣя самостоятельныхъ убѣжденій, вертится, подобно флюгеру, изъ стороны въ сторону.

Москва,

1 февраля 1861 г.